ОЧЕРТЯ
ГОЛОВУ
Маргарита Ардо

Маргарита Ардо
Очертя голову

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56557180

Аннотация

Отправляясь по приглашению подруги на Лазурный берег, скромная и мечтательная Соня не знала, что ей встретится настойчивый итальянец. И ему, кажется, всё равно, что Соня приехала на побережье не одна, а с начальником… На что пойдет красавец из Сан-Ремо, чтобы завоевать её?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 23
Глава 4 29
Глава 5 39
Глава 6 48
Глава 7 54
Глава 8 61
Глава 9 68
Глава 10 78
Глава 11 95
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Маргарита Ардо
Очертя голову

Глава 1

– Лу́ка, Лу́ка! Где ты был?! Заждались тебя! У нас новость! – закричали, отчаянно жестикулируя, парни с террасы ресторанчика на старинной площади города Сан-Ремо.

Сквозь толпы туристов, приехавших поглазеть на собор Сан-Сиро, бодрым шагом к парням направлялся стильный, высокий черноволосый красавец. Из-под его ног разлетелись жирные обленившиеся голуби, но любимец женщин и налоговой инспекции, начальником которой был его дядя, Лу́ка Дельмаре не обратил на них никакого внимания – привык. Зато все представительницы прекрасного пола на площади – и местные, и туристки, – повернули вслед за ярким молодым человеком головы, словно по команде.

К такой реакции Лука тоже привык. Он поправил рукав жёлтого поло на загорелом рельефном бицепсе, кивнул с широкой белозубой улыбкой Хелене, владелице заведения-конкурента по ту сторону от собора и подошёл к собственному кафе.

За двадцать семь лет Лука Дельмаре в собственной неотразимости достиг уровня «Бог». Почти… Взглянув на крест

над готической базиликой, Лука перекрестился и поцеловал крестик. Особо набожным итальянец не был, но воспитали его хорошо, так что со Всевышним молодой человек конкурировать не собирался и с должным почтением признавал его вечное первенство. Возможно, поэтому Луке постоянно везло: в деньгах не нуждался, на здоровье не жаловался, ресторанчик на паях с кузиной открыл в самом «рыбном» месте, как только окончил университет. Да и вообще: родиться и жить на Лазурном берегу – разве это не везение?

Лука вновь поймал огненный взгляд жгучей итальянки и подмигнул ей.

– Лука, она на тебя смотрит, словно сожрать хочет! Люди добрые, аж страшно, где современные девицы скромность растеряли?! – возмутилась смуглая синьора Энза из лавчонки с сувенирами, жестикулируя так, что вполне могла показывать жонгляж туристам своими магнитиками. – В наше время мать бы её за волосы вытрепала! Ты уже женись на ней или скажи, чтобы так не смотрела!

Друзья: Винченцо, Рауль, Франческо и Микеле, ждущие его за крайним столиком под красным зонтом, расхохотались. Лука по очереди пожал каждому руку.

– Что за новость?

– На этой неделе едем на вечеринку в Сен-Тропе к миллиардеру на яхту! Там такой улёт будет! – взволнованно подскочил Винченцо.

– Супер!

– Ты с нами? – лениво оглянулся Рауль.

– Может быть. Один момент, парни!

Лука одарил улыбкой, как благословением, трёх голландских пенсионерок и отправился на кухню – проверить, справляется ли кузина Веро́ника без него.

К пяти часам вечера в Сан-Ремо всё оживает после жаркой сиесты: открываются кафе, магазинчики, церкви и музеи. Даже пальмы просыпаются и начинают активнее разгонять солёный бриз с моря. В первый официальный день отпуска Лука имел полное право бездельничать, но не проверить не мог – народ прибывает, скоро все столики будут заняты, и заказы посыплются, как монеты в фонтан. И потом Лука просто любил свою кухню и вкусные запахи.

Толстая, как чиабатта, симпатичная кузина принимала заказы от официантов и суетливо командовала, раздавая задачи направо и налево. На сковороде подрумянивался лук. Пахло паприкой и молотым перцем. Сушеная, словно барабулька в кляре, Рената натирала в мелкую стружку сыр. Носатый повар Гвидо со скоростью машины нарезал баклажаны, помидоры, перцы на знаменитое и любимое всеми клиентами Пармиджано – работа кипела.

Лука поприветствовал всех, проверил каждого. Попробовал свежий соус песто из миски, подхватил оливку и с чувством удовлетворённого кота вернулся к друзьям и бутылке белого мускатного. Вечер только начинался и не имел никакого права быть скучным!

– Тебе совсем Хелена не нравится, а, брат? – спросил совсем не похожий на итальянца блондин Винченцо.

– Красивая, – ответил Лука, откинувшись на спинку плетёного стула с бокалом вина в руке.

– Что-то не видно блеска в глазах! Ты о мороженом своей тётки с бóльшим восторгом говоришь, – хохотнул бронзовокожий к концу июля Рауль.

– А ещё жарче – о байках, – вставил коренастый Микеле с густой порослью из-под рубашки и взглядом сицилийского мафиози. – Только не говори, малыш, что ты устал от женщин! На Хелену не смотришь, с Моникой расстался, а она уже на всю округу болтала о свадьбе… К тебе вроде Лоренца вчера подкатывала. И как, вы замутили?

Поглядывая на снующих по площади туристок со смартфонами и селфи-палками наперевес, Лука пожал плечами:

– Может быть… Почему бы и нет? – и развернулся всем корпусом к друзьям, не заметив ни одну, достойную внимания. – Но что такого в Хелене? И в Лоренце? Надоели! Хочется чего-то особенного.

– А если я за Хеленой приударю? – хитро сощурился Винченцо.

– Как бы она тебя чем не приударила, – заметил со смехом Лука.

– Так мне нравятся девушки с характером!

– Ну-ну, сковородку одолжить? – Лука достал из-под пеларгонии на каменной кладке ограждения декоративную по-

судину.

– Зачем? – вытянулось лицо у Винченцо.

– Вместо шлема тебе будет, рыцарь…

Парни опять расхохотались, привлекая внимание группки туристов из какой-то северной страны.

– Да где ты будешь искать свою особенную? – не унимался Микеле. – Девушки все прекрасны! О, посмотри, какие сладкие крошки…

– И что такое для тебя особенная? – спросил самый меланхоличный среди них Франческо.

– Когда пойму, скажу вам, – хмыкнул Лука, пригубив вина.

– Встретишь свою принцессу, и она скажет: «А не пошёл бы ты, Лука Дельмаре, ты не в моём вкусе!» – загоготал Микеле.

– Хорошая шутка, – ответил Лука, слегка скривившись. – Ты встречал синьорину, которая бы мне отказала? Встретишь, скажи. Вместе посмеёмся.

Вдруг за спиной кто-то пискнул, стул шатнулся под Лукой. Он ухватился за край стола, обернулся и увидел юную взлохмаченную блондинку, вцепившуюся пальцами в спинку его стула. Миловидная, страх неловкости в зелёных глазах, по круглым щекам разлился румянец. «Цвет невинности», – подумалось Луке.

– Excusez-moi, – пробормотала она сбивчиво извинения на французском.

Он протянул ей руку, чтобы поддержать, но девушка в белом батистовом платьице резко выпрямилась и шарахнулась от него. Её тут же подхватил под локоть суровый на вид славянин лет тридцати пяти, отругал неизвестно за что и повёл прочь. Лука проследил за ними с любопытством.

Славяне присоединились к паре явно европейских туристов и скрылись за дверьми собора Сан-Сиро, высокими и непробиваемыми, как ворота средневекового города. Рауль воскликнул:

– Мамма мия, Лука! Ещё скажи, что твоя особенная только что чуть не вышибла тебя из стула на брусчатку носом!

– Хм, – только и ответил Лука, продолжая поглядывать на собор.

Его отвлекла Вероника. Принесла ещё одну бутылку вина и принялась досаждать ерундой о санкциях и кризисе.

– Где кризис? Я его не заметил, – заявил Лука больше потому, что терпеть не мог ныть. – Я недавно себе байк самой последней марки купил – Кавасаки, а ты ипотеку закрыла. Это можно назвать «плохо живём»?

– Не все живут, как ты! – не собиралась успокаиваться Вероника, выставляя мощную грудь вперёд. – Мой друг остался без работы в Вероне из-за сокращений, а те из-за санкций! Вот тебе и кризис!

Слово за слово, друзья подключились, дебаты разгорелись, и вдруг Лука что-то почувствовал. Никто не толкал в спину его на этот раз, но он обернулся.

Та же юная, круглолицая блондинка, только теперь не взлохмаченная, а наоборот, с заплетённой пшеничного цвета косой, стояла на другом краю площади и рассматривала крест на верхушке собора Сан-Сиро. Вид у девушки был такой восхищённый, словно она узрела сидящего на крыше ангела. Лука даже проследил за её взглядом и ничего, кроме католического прямого креста, а под ним цветка с витражами, знакомыми с детства, не заметил. Лука вернулся к разглядыванию девушки. Пальцы её были сложены на животе, хорошей формы ножки, приятные округлости, розовые ушки, глаза теперь почему-то казались голубыми; трогательный, чуть вздёрнутый нос. Красивая! Не как Хелена, а как-то по-особенному, будто изнутри… Нечто тёплое шевельнулось в груди молодого итальянца и вспомнилось слово «одухотворённый».

Друзья прекратили спор с Вероникой и начали над чем-то потешаться. А Лука не прислушивался, всё его внимание было отдано этой явно скромной славянской девушке. Кажется, видел её где-то, но вот не понять, где. Не в ночном клубе, не на набережной… – мысленно перечислял Лука. Может, на кого-то из звёзд похожа? Их тут тоже валом, особенно, когда фестиваль песни. Хотя нет вроде бы.

– Ай, Лука, это она?! Особенная? – спросил Микеле, толкнув его в плечо и оторвав от созерцания.

– Просто занятная, – ухмыльнулся Лука.

– Вот эта точно тебя пошлёт! – заявил некрасивый Мике-

ле. – Тогда и посмеёмся вместе!

– Меня? – Лука самоуверенно покачал головой. – Ни за что!

– Уа, пари?! Давай поспорим! – подскочил Микеле. – Или струсишь?

– Мадонна, да она же не одна! Вы не видите, глупцы, что девушка с мужчиной?! – затараторила Вероника. – Совсем головы потеряли!

Словно в подтверждение из толпы у магазинчика с картинами опять материализовался тот суровый чех или русский с премерзким ёжиком на голове, подхватил мечтательную потеряшку за руку и потянул за собой. Мимо кафе. Блондинка обернулась на собор, а проходя рядом, задела взглядом Луку. В его животе приятным холодком разлился азарт. О, мадонна!

Лука встал, встряхнул смоляными кудрями и поправил пояс на белых джинсах.

– Не одна? Когда это меня останавливало? Ха! Она будет моей! – заявил Лука с преждевременной улыбкой победителя и вышел из-под красного зонтика кафе.

– Лука, тебе макушку солнцем напекло? Иди, окунись в море! – возмутилась кузина.

– А условия?! – в спину пробасил Микеле.

– В группе в What's Up обсудим! – бросил небрежно Лука, прибавляя шаг.

Добыча была лёгкой, только важно было не упустить её из

виду, а то ищи ветра в поле!

Нагоняя туристов, Лука достал из кармана ключи от байка. Что-то выкрикнула Энза, хохотнули парни, зыркнула Хелена. Навстречу светило жаркое солнце средиземноморского побережья и звало к себе плеском волн лазурное море.

Но Лука не думал ни о чём, в его венах зажёгся азарт! Он щекотал изнутри игристыми пузырьками, а в голове, будто колокол на отправляющейся в путешествие яхте, звенело одно слово: «Avventura – Приключение!»

Глава 2

Я украдкой выглянула из-за журнала «Paris Match» и тут же спряталась – он снова на меня смотрел! Или не на меня?

Я оглянулась в надежде увидеть где-нибудь поблизости сногсшибательную красавицу. Но, как ни странно, за моей спиной на жёлтом песчаном пляже французского городка смотреть было абсолютно не на кого: под зонтиком сидели в шезлонгах две важные арабские матроны в чёрных хиджабах, рядом плескались в игрушечном бассейнике их абсолютно голые дети мал-мала меньше и загорал бородатый шейх в плавках; метра через два группка более чем пожилых немок топлесс; справа – эбонитовый, как статуэтка, высокий парень и пепельная блондинка в веснушках с ним в обнимку, слева – с десяток чернокожих парней с футбольным мячом и толстой рыжей англичанкой. Угу, Фрежюс – город контрастов. Как и вся Европа, впрочем.

Вдали живописно покачивались на бирюзовых волнах белоснежные яхты, и у меня на сердце отлегло: черноволосый красавец с идеальным торсом, в синих шортиках смотрел на них. А ещё на мыс Сан-Рафаэль с белыми башенками, так романтично выступающими над лазурной гладью!

Я не склонна испытывать иллюзии: внешность у меня среднестатистическая, лицо обычное, со вздёрнутым носом, а волосы висят, как солома, если не убить на них часа пол-

тора. Лишние килограммы, добавленные французскими сырами, тарталетками с малиной и разноцветными миндальными макаронками, так и лезут из купальника наружу. А в этом мире ничего не изменилось, и «в лесу никто не сдох». Я успокоилась, поправила шляпу и уселась на плетёной циновке поудобнее.

Странно было видеть под собственной пяткой надпись «Анапа – город детства», сидя на берегу Средиземного моря, где-то между Сен-Тропе и Ниццей, в нескольких километрах на юг от оливково-виноградного Прованса. До сих пор не верилось, что я, Соня Трофимова, двадцати трёх с половиной лет, родом из Новочеркасска, сижу и загораю в самом сердце Французской Ривьеры! Разрыв шаблона и очевидное-невероятное!

* * *

Я отложила журнал и принялась разглядывать виды. Как же здесь было замечательно! Воздух, пахнущий морем, неровная кромка волн, на самом деле лазурных, нежно ласкающих желтый песок, упрямые пальмы, лоснящиеся зеленью листьев. Детские крики, разговоры на французском вокруг, стройные фигуры, разные судьбы.

Я люблю быть одна и наблюдать за людьми тоже люблю, пока никто из незнакомцев не начнёт настаивать на беседе. Тогда я краснею и могу произнести от волнения совершен-

ную белиберду, путая местами буквы в словах.

Мне было совсем не скучно сидеть одной – наоборот, радостно: я во Франции! В конце концов, я столько об этом мечтала! Я так люблю стихи Гюго, Превера, песни Азнавура, Лары Фабиан и Джо Дассена! Учила французский с детства, читала об этой стране запоем, была отличницей по теоретической грамматике и стилистике французской литературы, в которой знаю столько нюансов, аллюзий, подводных камней! В общем, во всём хороша, если рот не открывать.

И ещё немного старомодна и, как говорит Паша, мой жених, у меня слишком много в голове романтической чепухи. Планы о Франции я строила с девятого класса, но приехать получилось только сейчас – когда Даха с Маню пригласили. В детстве я я жила с Дахой в одном дворе, потом она помогала мне с поступлением, а я ей – с домашкой по грамматике и стилистике. В общем, я типичный книжный червь… в полосатом купальнике.

Паша, согласился купить билеты с условием, что мы обязательно съездим в Монте-Карло. Он очень хотел похвастать перед коллегами и вроде бы даже пересечься с неуловимым владельцем компании. Я не возражала: ничего не имею против княжества Монако.

* * *

Мой взгляд то и дело касался мусульманских дам, заку-

танных в чёрное. Бедняжки, жарко же! Правда, они и виду не показывали, а шейху в ярко-красных плавках их было не жаль, он развлекался с детьми и строил башенку из песка. И пусть мне кто-то говорит, что мой Паша – тиран! После этого точно не поверю!

Стоя по колено в тёплом море, Паша разговаривал с Маню. Моему жениху тридцать три, хотя он выглядит чуть старше и держится довольно строго. Красиков, возможно, не красавец и не особый спортсмен, но у него сильные руки, широкие плечи, и он очень нравится моей маме. К тому же Паша нас спас! На самом деле, а не фигурально!

Когда не стало папы, внезапно выяснилось, что семейный магазинчик не только прогорел, но и был заложен. Сразу после похорон нас обложили кредиторы, коллекторы и масса незнакомых людей, которым папа, оказывается, был должен. Мы собирались продать квартиру, но поняли, что этого и на покрытие половины долгов не хватит!

И когда я однажды побоялась ехать домой после маминого звонка и расплакалась на работе, мой начальник Павел Викторович Красиков повёл себя, как настоящий мужчина, и взял всё в свои руки. Он решительно и без обиняков перевёз нас с мамой к себе, в Москву. Эвакуировал, – как он говорит.

Его как раз тоже обратно в столицу переводили из «ссылки». Я переживала, он меня успокаивал и незаметно превратился из Павла Викторовича в Пашу, а я – в его невесту. Ма-

ма в Паше души не чает, уже всё решено: мы собираемся пожениться в октябре. Я только никак платье не выберу…

* * *

По моей коже на спине пробежали мурашки, отрывая меня от мыслей, и я снова обернулась. Конечно, не резко, а по-хитрому – вроде бы потянулась за бутылкой воды. Скользнула взглядом туда, где сидел на песке смуглый Аполлон, и отчего-то расстроилась – его там не было.

Я рассердилась на себя: да какое мне, собственно, дело? Ушёл и ушёл…

– Сонь, пойдём купаться! – подбежала Даха, красивая, стройная, как модель с картинки, только ростом поменьше.

Я мотнула головой.

– Паша сказал, сумки надо сторожить.

– Боже, да кому они нужны?! – воскликнула подруга со смехом.

– Паша взял с собой документы и Айфон. Ему могут позвонить. Знаешь ли, не стоит бросать ценные вещи просто так.

Даха присела рядом со мной и подмигнула:

– Вечный секретарь, ха? Даже тут? Не смущайся, я сама была био-робот-подай-принеси-отчёт-командировочные. Наслаждаюсь теперь без этого!

Я смутилась.

– Да нет, что ты! Просто я должна Паше помогать, он строит карьеру ради семьи.

– А-а-а, – глубокомысленно кивнула Даха. – Уверена, что не ради себя любимого?

– Конечно, он хороший.

– Тогда пусть сам сторожит свои документы, пойдём поплаваем! – воскликнула боевая Даха. Подскочила с подстилки и потянула меня за руку. Крикнула через весь пляж: – Маню! Павел! Идите сюда, мы хотим купаться!

Паша наморщил нос и отвернулся к морю, махнул: мол, он ещё не насладился до конца. А Маню, как послушный ослик, хоть и трижды великан, ужасающий своей лохматостью и носом Сирано де Бержерака, пошёл к нам – охранять подстилку.

– Да я потом… – пробормотала я, отряхивая с себя песок.

– Не будет никаких потом! – заявила Даха. – Побежали в море! А то все каникулы просидишь! Маню будет отпугивать любопытных от сумок и мобильника великого и ужасного. Даже голосисьных немок. Видишь, уже как косятся? Боятся!

Я рассмеялась. Глянула на бабушек без комплексов и вдруг наткнулась взглядом на него! Сердце ухнуло: бронзовокожий атлет в синих шортиках со смоляными кудрями, рельефными руками и кубиками на животе стоял в паре метров. И смотрел на меня! Он сверкнул чёрными глазами, одарил улыбкой, которая была белоснежнее яхт за миллионы евро.

Я смутилась и опустила ресницы.

Робость не помешала мне рассмотреть сильные бёдра и стройные ноги. У меня даже дыхание сбилось: он вообще настоящий? И тут же я почувствовала дикое чувство вины перед Пашей! Я всегда его чувствую, когда мне нравится кто-то из случайно встретившихся мужчин. Или киноактёров. Ужасно просто – он нас с мамой спас, а я… А ещё считаю себя воспитанной девушкой!

«Какой позор!» – заявил внутренний голос маминым тоном, и я развернулась к красавцу спиной.

– Да-да, пойдём скорей купаться! – выкрикнула я сдавленно, словно на резиновую грушу ногой наступила.

И первая побежала к морю. Оно окатило распаренное солнцем тело холодом. Я взвизгнула, но вместо того, чтобы по привычке заходить полчаса и купаться десять минут, я рванула в леденяще-солёную воду, рассекая её, как торпеда. Окунулась с головой, чтобы привыкнуть поскорее. Мышцы на мгновение свело и отпустило. Фух! И мозг охладился заодно. Я вынырнула, ни за что на свете стараясь не оборачиваться на кромку берега.

Даха быстро меня догнала, и мы поплыли вместе вдоль жёлтых буйков, скреплённых тросом. Вдали плескались на волнах яхты, важно шёл к Сан-Рафаэлю большой белый корабль. Увы, без алых парусов. И мне вдруг стало жаль, что Паша не романтичен. Он даже кольцо подарил мне просто так. Надел на палец и всё. Сказал: «Мы женимся». Разве та-

кому можно отказать? Неловко, как минимум.

Вскрикнул над головой альбатрос. Я задрала голову, рассматривая белые крылья совсем близко.

– А ну-ка, Софи, признавайся, что это было на пляже? – вдруг спросила Даха.

Я моргнула, чувствуя, что заливаюсь предательской краской.

– Ничего. Ты же сама сказала: скорее купаться… – пробормотала я, усиленно расталкивая перед собой ладонями страшно солёное Средиземное море, словно хотела всё его отгрести назад.

– А выглядело, как попытка спастись бегством от синих шортиков, – хихикнула Даха.

– Что за ерунда! Зачем мне какие-то синие шорты, жгучие красавцы и голливудские улыбки? – поспешно возразила я. – У меня есть Паша, и мы женимся.

– Ну да, это неизбежно – факт. Павел пришёл, увидел, победил. Практически Юпитер с напором быка.

– Да нет, он хороший…

Даха перевернулась на спину и поплыла практически без усилий. Я тоже решила перестать брать мировые рекорды по пересечению водных пространств. Тем более, что мы уже почти доплыли до большого красного буйка, указывающего, что за ним начинается акватория для мелкого судоходства. Я последовала примеру подруги и позволила теперь уже тёплой, приятной воде, прозрачной до самого дна, ласкать моё

тело. Даха спросила, глядя на проплывающие сверху почти мультяшные облачка:

– А ты его любишь?

– Пашу? Конечно…

– Прозвучало не очень убедительно.

– Ну и зря ты так думаешь, – ответила я будто не ей, а кудрявому пенному слонёнку в бездонной синеве над нами. – Паша умный. Цельный. Я ему очень благодарна. И мама…

– Ну да, я слышала историю про великого спасателя. Чип и Дейл спешат на помощь…

– Это тебе тут кажется, что всё так просто, а когда угрожают коллекторы, то шутить не хочется, – надулась я.

– А замуж?

– Что, замуж? – не поняла я, поддерживаемая морем на поверхности совершенно безусильно.

– Замуж за него хочешь?

Я задумалась. Не люблю неудобные вопросы. Зачем спрашивать, если уже всё решено? На самом деле, понятия не имею, как я справлюсь с этой жизнью сама, и нужна ли я кому-то, кроме Паши. Ему нужна, это я точно знаю. А любовь иногда бывает меньше благодарности. Я где-то читала, что энергия благодарности – самая качественная. По-моему, это хорошая основа для совместной жизни. И мама так говорит.

– За ним я, как за каменной стеной, – ответила я уверенно.

– Главное, чтобы не в башне и без решёток на окнах, – рассмеялась Даха. – А то явится рыцарь в синих шортиках

или принц на белой яхте, а ты уже окольцована.

Я смутилась.

– И ничуть не рыцарь! Подумаешь, шортики… Ну и что, что красивый… Мало ли их, Аполлонов!

– Таких? – хмыкнула Даха. – Если честно, таких не встречала.

«Я тоже», – подумала я, но ничего не сказала.

На чужих невест вообще так смотреть неприлично! А преследовать их аж из Сан-Ремо, тем более! – сказал маминым тоном внутренний голос.

Я вспыхнула, словно свеча от бикфордова шнура, и нырнула под воду, чтобы охладиться.

Это случайность! Это случайность! Это случайность и ничего более…

Глава 3

Мимо нас с Дахой проплыл на катере полуголый мускулистый спасатель с завязанными в хвост светлыми волосами. Мужчина посмотрел так откровенно на наши груди, выставленные из моря под солнце, что я тут же перевернулась на живот и смущённо спрятала округлости.

– Бонжур, демуазель! – весело крикнул он нам. – Не заплывайте далеко!

Даха ответила, я покраснела, поняв, что он пялится именно на меня. Когда спасатель уплыл подальше, я спросила:

– Слушай, они все в Европе так смотрят или что-то не то с моим купальником? – и снова покраснела.

– О-ля-ля, ты так мило стесняешься! Просто ни одна француженка не станет опускать глазки и краснеть. Отчего ж не попялиться на диковинку из прошлого века с красивой грудью? И, кстати, купальник у тебя весьма эротик, – на французский манер со смехом ответила подруга.

За то время, что Даха живёт в Париже, она заметно изменилась. Словно её сбрызнули французским флёром, отшлифовали европейской раскованностью и нашпиговали целой кучей типичных гримасочек, восклицаний и забавных надуваний щёк. Не в смысле наносной гордости, а в смысле обычного «пуффф» в том случае, когда русский задумается или скажет глубокомысленное «э-э-э». «Пуффф» у францу-

зов существует на все случаи жизни и выглядит очень симпатичным.

– Это просто купальник с прошлого года. Я поправилась, а на новый у Паши денег просить постеснялась, – пробормотала я.

– Погоди, – удивилась Даха, – ты же продолжаешь работать вместе с ним! Разве он тебя ограничивает в зарплате? Я думала, в Москве ты больше должна получать.

– Нет, что ты, я получаю. Просто экономлю – выплачиваю потихоньку папины долги.

Даха развернулась ко мне, ещё более удивлённая.

– А разве Павел не покрыл ваши задолженности? Ты же сказала, что он вас спас.

– Спас, конечно, – кивнула я. – Увёз в Москву, дал работу, обеспечил, мы ни в чём не нуждаемся…

– А долг?

– Почему он должен платить долги моего отца? – вздохнула я. – Он и так… Главное, что нас никто не найдёт, особенно эти ужасные коллекторы.

Даха поджала губы.

– Какое-то спасение половинчатое.

– Ну знаешь, больше никто никаким другим образом и не помог. Даже не у всех хватило сердечности на слова сочувствия. Я из группы с однокурсницами в ВотсАп вышла. После того, как у меня случилась беда, только двое написали: «Ой, какой ужас». Остальные продолжили обсуждать

предстоящую встречу в ресторане, представляешь? Вот и вся дружба. Пять лет вместе… Пока учились, пока нужна была помощь с домашками, пока я рассылала по электронке переводы и была, как все, – с деньгами на кафешки и шоппинг, я существовала, а потом пшик, и меня нет!

Я даже хлопнула ладонью по воде от нахлынувших эмоций.

Даха нахмурилась.

– Да уж, скверно. А почему ты мне не написала?

– Разве ты миллионер? Ты сама только-только замуж вышла… Неудобно.

– Ну, не только, а уже полтора года как. И какие-то сбережения у меня есть, я могу тебе дать. На время, пока не разбогатеешь.

От неожиданности меня накрыло волной сзади. Я вынырнула, отплевываясь и чувствуя во рту вкус рассола – никак не меньше. Мотнула головой, пытаясь вылить воду из ушей и откашляться. Затем сказала:

– Спасибо! Ты – настоящий друг! С ума сойти, Даш, такое мне никто не предлагал.

– Знаешь, ради меня однажды подруга устроилась к монстру на работу. Так что было, у кого учиться!

– Вика, да? Я слышала про эту историю. Но тебе спасибо! Прям огромное-большущее! – кашлянула я. И растрогалась, аж плакать захотелось – так мягко стало в сердце.

Я, конечно, не буду брать ничего у Дахи – пяти миллионов

у неё наверняка не завалялось под матрасом, но сам факт! Приятно, очень.

* * *

Мы поплавали в тёплой, как молоко, воде, которая сама нас держала, позволяя лениво нежиться, и вернулись на пляж, забыв обо всём. Зря!

Паша загорал, заложив руки за голову и выставив едва заметное пивное пузико. В полутора метрах от него стоял «Синие шортики» со своими идеальными кубиками. Капли сверкали на загорелом теле, чёрные волосы были влажными. В голову полезла ерунда о темпераменте итальянцев…

А ведь он итальянец, я точно знаю. Я видела его в Сан-Ремо, в кафе на террасе среди друзей. Все эти мысли пронеслись у меня за одну тысячную секунды. И вдруг «Синие шортики» беззастенчиво улыбнулся мне и подмигнул.

По моим рукам пробежали мурашки. Я тут же отвернулась и подбежала к Паше, обвила руками его шею, ища спасения. Он дёрнулся:

– Соня, ну что за штучки! Холодная, как лягушка! Отойди, ты мне так всё солнце загораживаешь!

А Маню поймал подбежавшую к нему Даху и закружил, они засмеялись, распространяя вокруг себя тепло и песок с пяток. Мне стало завидно. Я отстранилась от Паши, чувствуя почему-то так, будто меня немножко предали. Чуточку, но

разве я не заслуживаю тепла? Особенно когда этот в синих шортах так пристально смотрит, что я чувствую его взгляд даже завязками от купальника!

Пытаясь не показывать никому своих расстроенных чувств, я наклонилась за полотенцем.

«И чего это я? Паша никогда не проявляет чувств на людях, считает это пошлым. Он просто такой, и я такая. Что на меня нашло?», – начала уговаривать я себя.

Но тут Красиков передумал и обхватил мою талию. Потянул и прижал меня к себе. Как всегда, немного скованный.

– Иди сюда, крошка!

Я оттаяла мгновенно, улыбнулась и мысленно поблагодарила его за то, что облегчает мне задачу. Пусть «Синие шортики» поймёт, что я занята, и нет необходимости мне вот так подмигивать. Абсолютно никакой! И вообще пляж большой. Здесь мы отдыхаем, и всё тут!

Паша вдруг добавил мне на ухо:

– Обними меня, Сончик! Давай, я разрешаю. Пусть французы видят, что мы тоже знаем толк в этом деле. Достал этот Маню: вы северная нация, северная нация! Как будто сам себе не отморозил всё на полярной станции!

А мне вдруг самой стало холодно, как на полюсе, несмотря на жару Средиземноморского солнца. Я почувствовала тепло от моих друзей и холод между нами с Пашей. Или это только мой мокрый купальник? Я выглянула из-за плеча Красикова, и увидела, как безмятежно уходит к пальмам на

набережной «Синие Шортики». Гибкий, раскрепощённый, как гепард, с футболкой в руке. Свобода в каждом движении, в перекатывающихся под атласной кожей мышцах.

Паша похлопал меня ладонью по спине. Маню с Дахой рассмеялись. Вдалеке зазвонил колокол на какой-то яхте. Пахло морем и песком. И мне снова стало ужасно стыдно. И завидно…

Глава 4

Вчера Лука весь вечер за ней наблюдал, набравшись поистине грандиозного терпения. «Не торопиться!» – велел он себе и, кажется, это было весьма разумно. Он ещё в университете любил прорабатывать матчасть для эссе. А в наблюдении и подготовке тоже особый вкус – тонкая игра, от которой можно получить удовольствие. Сложный путь к цели делает его прекраснее, а цель – желаннее.

Лука себя показал и принялся вести осаду. И только слепой не увидел бы, что русская Boccaccina[1] с подчёркнутой талией и красивыми бёдрами подглядывает за ним, касается своими светлыми, как ночные мотыльки, испуганными ресницами его голого живота и чуть ниже, рук и плеч, оценивает и чувственно прикусывает нижнюю губу, тает зелёно-голубыми, как море на отмели, глазами. Отирает платком предательские капельки пота на дивной, нежной шее.

В отличие от местных дам и туристок, делала это Боккачина, как Лука её про себя прозвал, тайком. Пряталась за журнал, за подругу, притворялась, что беззаботно резвится на горячем песке, бежит, соблазнительно показывая бёдра, в море, а он, Лука, просто так мимо проходил. Детский сад! Или особое русское кокетство, незнакомое итальянскому ха-

---

[1] (итал.) Боккачино – «рюмочка», используется с намеренной ошибкой в окончании, исправленном на женское «а», имея в виду фигуру героини и не только

рактеру…

Но тем интереснее! Ведь Лука подмечал, как менялся тембр её голоса при его появлении, взгляды воришки и намеренно непринуждённый смех. Кстати, прекрасная привычка туристов – выбирать для отдыха на пляже каждый день один и тот же пятачок – поближе к дому. Можно было не менять место осады.

В своей робости Боккачина была мила и восхитительно притягательна. От её голоса, странных слов на незнакомом языке, полувзглядов, смущения в животе становилось щекотно, и мозг отключался. Мамма мия, вот у кого стоило поучиться женственности и мягкости его соседке Хелене – не жечь глазами, а чувственно ласкать. Затем пугаться, встречаясь взглядами, прижимать уши, как нашкодившая кошка, виноватая и одновременно манящая. Беленькая и чистая, как сливочный десерт, Боккачина излучала то, что сложно было описать словами, но очень хотелось попробовать!

Следующим утром на пляж Лука бежал буквально «на одной ноге[2]». Издалека увидел, спрыгивая с бетонного парапета в песок: девушки были одни у самой кромки моря. Удача!

С моря тянуло приятным бризом, наполненным запахом соли и отпуска. Пальмы за спиной шумели листьями, на узкой дороге между набережной и сувенирной улицей сигналили машины. На весь пляж орал тощий, высушенный солнцем, немолодой француз с улыбкой клоуна: «Шушу-Ла-Пра-

---

[2] Итальянское выражение: «с большой охотой»

лин[3]» и сзывал со всех сторон малышню, раздавая, как фокусник, по одному сахарному орешку на пробу и жонглируя коробочками с типичным лакомством – засахаренным арахисом. Натуральный циркач!

Лука быстро приблизился к девушкам, бросил небрежно подстилку на песок возле подруги Боккачины – уверенной, спортивной, рыжеватой блондинки, которая фотографировала на телефон всё, что попадалось под руку. Подошёл почти вплотную к сидящей на плетёном коврике Боккачине, присел на корточки. Та, обернувшись, вновь вспыхнула, но, как магнитом, инстинктивно потянулась к нему. Лука заговорил с ней:

– Чао, белла рагацца! – и по-французски для верности: – Бонжур, ма белль[4]!

По-русски то, что выдал гугл-переводчик, Лука не выговорил бы, даже хлебнув стопку виноградной Граппы.

Её подруга поздоровалась с ним, улыбнувшись, как знакомому. Но Бокканчина в ответ пискнула нечто нечленораздельное типа «здрвстЭ» – ужас, что за язык, – и спрятала глаза, сцепив ноги в замок и закрывшись.

Что за чёрт?! – подумал Лука, распрямившись. – Так делают только почувствовавшие опасность женщины. Она боится его?! С чего бы?

И тут нарисовался её мокрый ухажёр или муж. Чёртов

---

[3] Засахаренные орешки (фр.)

[4] Здравствуй, моя красавица!

павлин без хвоста, индюк ощипанный, с куриной задницей вместо физиономии и серым ёжиком на затылке. Зыркнул презрительно, продырчал на своём русском что-то не менее презрительное Боккачине. Та помрачнела, ещё больше замкнулась.

Лука и не подумал уходить: что это за шуточки? Развернулся к солнцу. Пляж муниципальный. Индюк устроил малышке ночью сцену ревности? Rompiscatole[5]!

Однако Лука скоро убедился: нет, индюк никого, кроме себя, не замечал и скоро ушёл купаться, важный, словно море должно было почтительно выплеснуться на берег перед ним. Получил волной в морду. Начал ругаться, плеваться и прыгать, выплескивая воду из ушей.

Ага, с морем нельзя снисходительно! С детства Лука убедился: оно живое, вмиг научит почтительности.

Француз-гигант из компании Боккачины, чем-то похожий на популярного актёра из старых фильмов, который маме нравится, спросил у девушек, что они хотят, и побежал догонять коричневого, как эфиоп, продавца засахаренных орешков. Боккачина упорно смотрела в плетения соломенной подстилки. Что ж… Пусть приходит в себя!

Лука сбросил одежду и в синих плавках бросился в море. Вода охладила горячую кожу, приняла его, как своего, и обласкала. Ну хоть она, если не эта русская ледышка.

Луку задела её реакция. А присутствие индюка стало раз-

---

[5] Итальянское ругательство, обращенное к мужчине, аналог русскому «козёл»

дражать ещё сильнее. К счастью, тот арендовал скутер и умчался подальше. Вот и прекрасно! Хоть к чёрту на рога! Но время терять не стоило…

* * *

Лука вернулся на берег, отряхнул с волос воду. Подмигнул вновь оттаявшей Боккачине и явно был одобрен подругой. Почувствовав нутром горячее внимание и жар в паху, Лука с зазывной улыбкой мотнул головой Боккачине в сторону набережной – приглашение, которое было понятно кому угодно без подписи и печати.

Зелёно-голубые глаза девушки вспыхнули. Его сердце тоже. И… он, как кретин, простоял больше часа под пальмами на набережной, слушая по радио Фрежюса из кафе рядом современные хиты и наблюдая издалека за ней.

Не пришла. Да, оглядывалась. Да, ловила в волнении соломенную шляпу, встала, что-то обсуждала с подружкой и… оставалась ждать этого бесхвостого индюка. Триста раз могла отойти за водой, мороженым и сувенирами, но не пошла. Хотя бы поговорить, переброситься парой слов. Обидно!

Телефон тренькнул. Лука увидел сообщение в Whats Up из группы, которую мерзавец Микеле обозвал «Прощание с Кавасаки».

– Ай, фрателло[6], как дела? – спросил друг.

– Прекрасно, – набрал Лука. – Переименуй группу, уродец!

– Зачем? Вы поспорили, всё по-честному, – напечатал Франческо.

Лука ударил кулаком по волосистому толстому стволу пальмы.

– О-о! Кажется, у нашего красавчика там сложности! Готовься отдать ключи твоего новенького Кавасаки, – продолжал подначивать Микеле с кучей смайлов.

– Никаких сложностей. Мечтай! – ответил Лука, чувствуя гнев, раздражение и азарт одновременно. – Просто арт-подготовка.

– А где же ваше обещанное селфи с любовным поцелуем? – не отстал Микеле.

– И инфа, как её зовут, откуда она и прочее, – поддакивал Франческо.

– Будет, – ответил Лука. – Временем я не ограничен, так что… Отдыхайте!

– А, может, тебе помощь нужна? – встрял Винченцо. – Мы приедем. Завтра пятница, разгуляемся толпой!

– Обойдусь! Хеленой занимайся! Было бы всё легко и просто, не ставил бы на права на мотоцикл на целый год! Будут новости, сообщу! – ответил Лука и отключил Whats Up, сердясь на Боккачину.

---

[6] Брат (итал.)

Откуда она взялась, такая недотрога? Сам выбрал.

Он ещё раз взглянул в сторону девушек. Заявились их парни. Чёрт! Лука развернулся, и ему на головы с пальмы упала сухая кисть фиников. И осенило! Просто, как Ньютона: если стратегия, как со всеми девушками, с Боккачиной не проходит, значит, нужна другая? Сто процентов! Погуглить, что ли, особенности завоевания русских девушек? Может, к ним, с мороза, подкатывать только с мороженым, водкой и Достоевским?

* * *

– Тебе не кажется, что он странный? – спросила я у Дахи, когда мы, наконец, остались одни.

Под пальцами рассыпался горячий песок и пара отшлифованных солнцем ракушек. А в голове никак не складывалось уравнение: он был в Сан-Ремо, он оказался во Фрежюсе, за два часа пути и через две границы, хотя в Европе это всё равно, что из области в область проехать… Он появляется с завидной регулярностью, как будто приехал специально для того, чтобы смущать меня и подмигивать. Зачем?!

– Кто, Паша? – отвлеклась от фоток подруга. – Мне кажется, что он считает себя центром вселенной. Извини, конечно. Я уважаю твой выбор, но правда, немного не понимаю.

– При чём тут Паша? Я про «Синие шортики».

Даха рассмеялась и так хитренько сощурилась, словно

поймала меня за воровством шоколадок.

– Ах, вот ты о ком! Разве он странный?

– А как же? Трётся рядом с нами постоянно, здоровается и… вообще! Может, он мошенник? И ты совсем не права про то, что сумки на Лазурном берегу не надо охранять?

– Ой, не могу! Вот насмешила! Тут же всё ясно: ты ему нравишься, – ответила беззаботно Даха, кажется, не подозревая, что вызывает своими словами целую бурю эмоций во мне.

– Да нет…

– Да «да»! – хмыкнула Даха.

– Послушай, но мужчины так себя не ведут перед понравившейся девушкой. Они как-то знакомятся. А он шортики тут закатывал. То спиной, то боком становился, будто демонстрировал себя со всех сторон…

– Нормальный европеец, – весело объявила Даха. – Это в России принято, чтобы бац-бац, на плечо и в пещеру – борщ варить, а тут все жёстко воспитанные феминизмом. Мне сначала тоже странно было, но Маню объяснил. Во Франции и в Европе принято всё наоборот. Мужчины – тонкие, чувствительные натуры, отказ их может ранить, а сильный напор – закончиться в суде с обвинением в домогательствах. В некоторых странах вообще нужно брать письменное согласие, что женщина была не против секса, иначе можно легко загудеть в тюрьму…

– Это же не нормально! – опешила я.

– Это не Россия. Поэтому здесь мужчины показывают, что ты им нравишься и ждут твоего первого шага.

– Как у нас девушки? – оторопела я.

– Точно.

– Но это же противоестественно!

– Ничего, пока продолжают жить и размножаться, несмотря на то, что тут на каждой остановке постеры висят в защиту гей-движения. У всех друзей Маню по двое-трое детей, между прочим! А вот дверь передо мной открывать и стул отодвигать, как и руку подавать при выходе из транспорта я до сих пор моего любимого не приучила. У него уже на подкорке записано, что за эту галантность можно в лоб получить.

Я хихикнула.

– Нет, для меня это странно.

– Ну, на самом деле «Синие шортики» для тебя вообще исключение сделал: второй день не отступается, здоровается с комплиментами и ждёт тебя уже сколько-то там часов под пальмами!

– Ждёт?! – я расширила глаза, сердце предательски забилось так быстро, что в висках запульсировало.

Я украдкой оглянулась и увидела черноволосую голову, атлетическую фигуру в синих шортах под пальмами. Господи, такой красивый! Это не честно!

Несмотря на мысли, сердце ухнуло, в животе волны пронеслись приятно-волнующим холодком. Я заставила себя от-

вернуться, но в голове ещё бродили странные огни, будто светлячки в ночном саду, щекочущие подсознание запретным приключением. Так захотелось к нему подойти и…

О, нет, я не такая!

Но почему я волнуюсь из-за странного незнакомца? И постоянно что-то чувствую? Мне даже Паша говорил, что я не темпераментная, а тут… неизвестно что во мне происходит: хочется плакать и радоваться одновременно! И такое ощущение, будто у меня вдруг появилось тело. Я чувствую кожей прикосновение мокрого купальника, я чувствую касания воздуха и что-то тревожное и немножко сладкое в животе. Наверное, просто тлетворное влияние Франции и радиация любви от Маню и Дахи?

Вспоминался Мопассан и безумная Эмма Бовари из книги Гюстава Флобера, – там всё плохо кончилось, очень плохо. Я просто обязана взять себя в руки!

Я с сожалением вздохнула: идеальной внешности мужчина с ровным загаром, белозубой улыбкой и в заметных издалека синих шортиках так и останется для меня в параллельной вселенной. Линия бетонного парапета будет границей реального и невозможного. Но ведь можно взглянуть ещё разочек? Одним глазком? Я больше не буду! Честно!

Глава 5

«Они смотрят на ваши носки!» – прочитал Лука и моргнул. Зачем носки в такую жару? Потом вспомнил про мороз в тридцать градусов в далекой северной стране и согласился: да, пожалуй, чтобы не околеть, можно и три пары натянуть… Наполеону эти советы не встретились, вот его армию и одолели русские.

Сайтов под названием «Как впечатлить русскую девушку», к удивлению Луки, оказалось много на любом языке: на итальянском, французском, английском и так далее. А советы приблизительно совпадали:

1. Одевайтесь красиво! Так вы убережёте себя от отказов русских девушек – любой, кто уделяет внимание одежде, заслуживает, по их мнению, шанс. – Лука хмыкнул и поставил себе галочку. Итальянцы любят выглядеть с иголочки. Эти подсказки пусть оставят для американцев – те ходят в растянутых футболках, клетчатых рубашках и джинсах хоть в ресторан, хоть в театр.

2. Дарите русской девушке цветы. Не спрашивайте почему, просто принесите букет, и это добавит вам очков… – Лука кивнул. Не вопрос: хоть всё побережье обдерёт, если надо. Недаром же его родной Сан-Ремо называют городом цветов. Правда, дарят их по большей части на похороны, ну или на юбилей столетней бабушке, чтобы особо почтить…

3. Маленькие подарки (духи, украшения (только не дорогие!)) тоже увеличат ваши шансы. Внимание: не пытайтесь купить её любовь! В глазах высокообразованной русской девушки отъявленный материалист упадет довольно низко. – Лука задумался: насколько отъявленный? Он вообще-то считал себя материалистом, хоть и ходил в церковь время от времени.

Нет, это бред точно! Насколько он слышал, русские девушки любят богатых любовников. Все любят богатых любовников! И пусть он, конечно, не внук Берлусконе, но вполне обеспечен.

А ещё подумалось про образование: у Боккачины вид, на самом деле, не крестьянский, а очень поэтичный. Кем бы она могла быть? Домохозяйкой, служащей, студенткой? С такими изящными ручками и пальчиками она вряд ли работает за станком. Впрочем, какая разница! Он же просто завоевать её хочет, а не жениться…

4. Не вздумайте ей предложить разделить счёт в ресторане или вместе оплатить за развлечения! Упадёте в её глазах ниже уровня канализации!!! – Лука удивился, поставил галочку и обвёл её жирным кружком. Да и заплатит он, жалко, что ли? Главное, заманить Боккачину в этот самый ресторан! Чёрт, он уже готов её похитить…

5. Ведите себя с ней, как старомодный джентльмен (если не знаете как, обратитесь к классикам и старым фильмам). – Лука почесал в затылке: насколько старомодный?

Ходить с тростью и придерживать двери? Кто вообще составляет эти советы?! Хорошо, что ничего не написали про хранить девственность до венчания! Он бы точно потерял свой Кавасаки…

В конце была приписка: «*Повторяйте пункты 1–5, пока русская девушка не даст вам знак, что готова на секс*». Лука расхохотался в голос и смеялся достаточно долго, пока не понял, что ужасно хочет есть. Поднялся с лавки и завернул в первый попавшийся ресторанчик.

* * *

Милая девушка с нежной кожей не выходила у него из головы. Лука вообще ни о чём больше думать не мог, словно его околдовали. В каждой блондинке с длинными волосами мерещилась Боккачина. Или он просто всё время хотел её видеть?..

Он нравился ей, бесспорно нравился! – Лука знал это так же точно, как и то, что помидоры в салат Капрезе надо резать толщиной в пять миллиметров, а не кромсать кусками, и шарики Моцареллы следует нарезать кольцами чуть толще и только потом перемежать листиками базилика, посыпать свежемолотым перцем и поливать оливковым маслом и бальзамическим уксусом! В общем, совершенно не так, как это выглядело у него на блюде. Ясно, попал он точно не в приличный ресторан, а в забегаловку жадных лягушатников,

потому что ни один настоящий итальянец не испортит так варварски простейший рецепт и не поставит за него пятнадцать Евро в меню!

– Чёрт меня побери, если это Капрезе! Я не буду это есть! – возмутился Лука и ткнул лист неизвестно чего из тарелки в нос снулому официанту с куцым хвостиком.

– Вам позвать повара? – с акцентом спросил парень – явно приехал сюда на заработки из восточно-европейских стран.

– И повара, и повариху, и всех помощников! А главное – хозяина этой забегаловки, я научу вас готовить нормальный insalata Caprese[7], а не эти помидоры всмятку!

Лука стукнул в запале ладонью по столу, обернулся на посетителей, покорно уминающих издевательство над итальянской кухней, и снова увидел её! Она только вошла вместе со своими спутниками. Такая летняя, вся в белом. Сердце мгновенно отозвалось, бухнуло, будто к телу электричество подключили. Мамма мия, да это уже рефлекс!

Русская девушка тоже заметила его – с таким грохотом и скандалом это было не трудно. Встретившись с Лукой взглядом, синьорина из морозной страны закусила губу и поправила бретельки сарафана. Оу, опять этот верный знак!

Без всяких лайфхаков Лука знал: когда женщина начинает поправлять волосы, блузку и что угодно при виде мужчины, закусывает губки и поворачивает корпус в его сторону, не закрывается руками, а в уголках губ появляется хотя бы

---

[7] Салат Капрезе (итал.)

намёк на улыбку, можно не сомневаться: она уже представила, как его горячие губы и руки касаются её везде, где только можно, и особенно, где нельзя. При этом достаточно показать, что она тоже тебе понравилась, и красотки сами летят на контакт – лови, срывай, наслаждайся! Но только не эта!

Боккачина опять посмотрела на него, смутилась, а Лука почувствовал мурашки по коже. Провёл взглядом по её полуоткрытой груди, почти реально почувствовав, какая та мягкая, молочная, нежная… Нырнул воображением в выемку между полукружий, коснулся яремной выемки под лебединой шеей, и очнулся от баса над ухом:

– Что не так в салате, мсьё?

Дородный детина в колпаке и переднике навис над ним. Лука не растерялся и ткнул в красный мясистый нос тарелку:

– Это не Капрезе! Если я плачу за блюдо, я надеюсь его получить. И не молотых сушеных жуков вместо перца! И не лист с дерева над крышей вместо базилика! И вообще не подобное безобразие!

– Да что тут такого?! – пробасил повар. – Это Капрезе, как заказали…

Все взгляды прилипли к ним. И Лука вдруг понял: это шанс! Если скромная, как лесной эльф, Боккачина стесняется знакомиться с ним, он познакомится со всей её компанией оптом. И больше уже не будет незнакомцем, это раз!

– Пойдите поучитесь на кулинарные курсы, пока я не вызвал сюда инспекцию! – Лука вручил безапелляционно та-

релку в руки повару и, направившись к группе Боккачины, подхватил под руку её напыщенного индюка и, потянув за собой прочь из ресторана, заявил на английском: – Идёмте, господа, отсюда! Скорее! Ни секунды более здесь нельзя оставаться!

Опешившие от такого напора, четверо туристов послушно вышли за ним. И, Лука, чувствуя необыкновенный прилив вдохновения, говорил уже на улице, в тени огромных платанов:

– Я вижу, господа, вы туристы. И если вы решите отобедать здесь, вы навсегда испортите мнение об итальянской кухне! Я как истинный итальянец не могу этого позволить! Нет, не могу! И не уговаривайте меня!

– Мы и не уговариваем, – хихикнула подруга Боккачины. – Мы просто пиццы хотели поесть.

– Да, пиццы, – вдруг очнулся индюк и забрал свой локоть из хватки Луки. – Если вы, мистер, такой знаток итальянской кухни, знаете ли вы, где здесь есть нормальная пицца?

– Пицца?! Знаю ли я где достойная вашего вкуса пицца?! О, мамма мия, конечно знаю! – воскликнул Лука, оживлённый, словно его оса под коленку укусила. И ткнул направо: – Нам туда!

Русские опять пошли за ним, словно не могли не пойти.

– Я предпочитаю только качественное! Это девушки купились на красивую вывеску.

Индюк зыркнул на Боккачину. А Лука широко улыбнулся:

– О, девушки?! Девушкам можно всё!

– Не скажите, – буркнул индюк, – им только позволь разгуляться!

– А как же им не позволять? – встрял в разговор снежный человек в шортах. – Наши девушки – самые чудесные создания на свете!

О, нормальный человек, хоть и француз.

– Я Лука Дельмаре! – протянул ему ладонь наш герой, радуясь возможности. – У меня собственный ресторан в Сан-Ремо, поэтому я знаю толк в настоящей еде. И уж коли мы с вами и на пляже встречались, и тут, я просто не мог позволить, чтобы вас надули! То не ресторан, а сплошное надувательство, Бог свидетель!

– О, спасибо! Значит, нам повезло! Я Манюэль, – протянул в ответ руку лохматый гигант, говорящий по-английски с типичным французским акцентом, то есть ужасно. – А это Павель, Дашá и Софи.

– Очень приятно!

Лука с готовностью потряс руку индюку, девушке Даше и протянул ладонь розовой от смущения Боккачине. В ответ вспорхнули ресницы; заблестели, как море под солнцем, глаза, и она робко протянула ему узкую ладонь.

– Софи…

– Очарован, – проговорил Лука стандартную форму вежливости по-французски.

Коснулся её пальцев, нежной, тёплой кожи, и мир внезап-

но перевернулся. Словно в его ладони оказалась хрупкая, невероятная ценность, которая всегда ему принадлежала и была потеряна! А теперь, – Лука почувствовал счастье и трепет в груди, – теперь вот она, рядом, снова! Время замерло. Волшебство…

– Кажется, я вас и в Сан-Ремо видел, – пробурчал индюк, забирая руку Боккачины.

– Возможно, возможно… – вернулся к реальности Лука и снова улыбнулся, несмотря на желание врезать сопернику сразу и без обиняков. – Очень жаль, что не зашли в мой ресторан! Уверен, вы бы захотели вернуться! Но не будем ни о чём сожалеть, всегда есть, чему порадоваться! Вон, видите здание на границе с Сан-Рафаэлем? Нам не туда. Там устрицы и лобстеры, если захотите. А настоящая итальянская пицца здесь! – он развернулся к простенькому желтому дому с деревянными ставнями, зелёными маркизами над окнами и скромной вывеской. – Тут и паста, и сыры, и Пармиджано, пальчики оближешь! Гарантирую!

– Как хорошо, что мы вас встретили! Я обожаю пиццу и вкусно поесть! – сказала подруга.

– И я люблю пиццу, – по-французски, совершенно без акцента добавила Боккачина.

Лука возликовал: у них есть язык, на котором можно общаться без гугл-переводчика!

– О, значит, вы точно хорошие люди! И, думаю, это судьба! Фортуна сталкивает хороших людей, когда это нужно. И

это никогда не бывает зря, – Лука фонтанировал фразами и активно жестикулировал, потому что был бесконтрольно счастлив, словно нежная, мягкая, сливочно-кремовая Боккачина уже была его. – Вы издалека приехали на Лазурный берег? Я не спрашиваю у тебя, друг Манюэль, вижу, ты француз!

– Я тоже теперь француженка! – радостно заявила Даша. – Мы женаты.

– Мы с Соней из России. Россия – занимает девятую часть всей суши на планете, – важно объявил индюк.

– Оу, поздравляю! Россия – великая страна. И даже если мы самую малость меньше… Зато у нас самая вкусная в мире пицца! – подмигнул Лука.

И все рассмеялись. Даже Боккачина, которую, оказывается зовут Софи.

Чудесное имя! Чудесный смех! А улыбка – как благословение ангела!

И от того, что она ему улыбалась, по всему телу Луки снова пробежали мурашки.

Глава 6

– Настоящая пицца готовится только в дровяной печи. Тогда она получается очень сочная, очень нежная, – рассказывал Лука, глядя, как Боккачина кладёт в красивый рот очередной кусочек. Очень сочный, очень нежный… с прилипшей к уголку губ крошкой, которую она так чувственно слизнула язычком. Жарко! Так, а о чём он… О пицце, да.

– Но не перепутайте! – отхлебнул вина из бокала он. – Пепперони в Италии – это зелёный или красный перец, а вовсе не пикантные колбаски в пицце, как считают американцы…

– А я не знала, – сказала Даха.

– Мадонна, вы наверняка многого не знаете! – всплеснул руками Лука.

Расплавленный сыр, томные ломтики помидоров, хрустящее по краям тесто. Зелень, маслины. Запахи оливкового масла и специй, флёр вина и наслаждения вкусом. И обо всём можно было рассказать! Если не анекдот, то легенду.

Лука вошёл в роль кулинарного гида, гурмана и знатока, сыпал историями, фактами и вообще не затыкался, чтобы никто ничего не заподозрил. Гости удивлялись, радовались и ели. О, как они ели! С большим аппетитом и без особенных церемоний. Индюк чуть ли не облизывал пальцы, француз с женой то и дело подкармливали друг друга и курлыкали,

словно голубки. Боккачина аккуратно управлялась вилком и ножичком, как хорошо воспитанная девочка. Да, она по-прежнему его стеснялась, но смотрела! Розовела, улыбалась и очень внимательно слушала. У неё умные глаза!

Лука не привык к тому, что её зовут Софи. Отчего-то это имя, пусть и красивое, никак не приклеивалось к его языку.

– А если вы из Сан-Ремо, как вы оказались во Фрежюсе? – спросил пытливый индюк.

Лука взглянул на него так, словно это было дело обычное, но растягивая губы в широкую улыбку и, щёлкая пальцами, судорожно придумывал причину. Вот кретин, раньше не мог?! В голове что-то блеснуло из недавно прочитанных советов про ретро, старомодность, и само собой вырвалось:

– Бабушка! Я приехал навестить бабушку.

– Ваша бабушка живёт во Франции? – робко поинтересовалась Софи. – Значит, вы тоже немного француз?

О, благословение тому шарлатану, который писал советы в интернете и хвала всем старушкам в мире – слово «бабушка» развязало уста скромнице!

– Нет, конечно! Я абсолютный итальянец, пюро италиано, – рассмеялся Лука. – Моя бабушка приехала сюда отдыхать. Она живёт аж в Неаполе, а я в Сан-Ремо! Можете представить, какие расстояния? Север-Юг! Уэ, очень далеко! Нельзя обнять дорогую бабушку так просто, когда захочется, и попить вместе кофе. И так как я отпуске, а обычно свободного времени не много, разве я мог упустить шанс и

не приехать повидаться с ней?

– Конечно. Как это мило, – с тихой улыбкой эльфа сказала Боккачина.

– О да, пока есть время, надо видеться, мои уже умерли, – вздохнул Маню.

– Странно, – хмыкнул индюк, – повидаться вы приехали с бабушкой, а проводите время с нами. Так быстро надоела старушка? Или мы лучше, и ей не повезло?

«Чёртов индюк! Его подозрительность нужно развеять, – подумал в сердцах Лука, – Интересно, что из прочитанных лайфхаков подействует на этого русского, хоть он и не девушка?»

И мысленно обложил его со всем итальянским темпераментом. Павлу вообще уже давно стоило не просто начать икать, а скончаться от непроходимости пиццы лишь по той причине, что он оказался женихом Боккачины! Жениться он, видите ли, вздумал на ней, павлин без хохолка!

Луку аж скрутило от этой новости – мол, даже не бойфренд, а жених… Такой сладкий, лакомый кусочек и с этим наждаком! Что она в нём нашла?!

Но вместо того, чтобы пожелать «приятно подавиться», итальянец улыбнулся русскому дружелюбно и даже невинно, как младенец на руках у Мадонны. Вспомнилась группка пожилых дам, которых он видел на пляже вчера вечером, и следующая ложь вылетела ещё легче.

– Видите ли, дружище, – ответил Лука, – моя бабушка –

активная женщина, и она приехала сюда не одна, поэтому я не могу захватить всё её время. К примеру, сейчас она с группой поехала на экскурсию.

– Как это замечательно! – воскликнула Боккачина.

Даха грустно вздохнула:

– А я завидую вам немножко. Знали бы вы, Лука, как я скучаю по своей бабушке! Она о-очень далеко отсюда. За тысячи километров.

– К счастью, она тоже здорова и активна, я ездила к ней не так давно, – мягко добавила Боккачина и коснулась руки подруги. Та удивилась, и девушки о чём-то заговорили на непонятном русском. А Лука засмотрелся. Взгляд Бокаччины изменился. Видимо, с подругой она была расслабленной, почти такой же, как тогда, на площади Сан-Сиро, когда в груди у итальянца что-то шевельнулось. Только теперь никакие высокопарные слова ему в голову не пришли. Показалось, что за этими зелёно-голубыми глазами и нежным лицом нет многослойных залежей злобы, зависти, жадности. Только спокойная доброта и мягкость. Удивительно! И ужасно неудобно ничего не понимать…

Индюк произнёс всего лишь слово, и девушка снова закрылась. Даха посмотрела на него с осуждением. Что-то сказала, тот рыкнул и скосил глаза на топорщащийся от портмоне карман.

Чёрт! Кажется, русский собрался всё испортить. Лука никак не мог этого допустить, а потому объявил во всеуслыша-

ние:

– Друзья! Знаете, мне действительно хотелось бы проводить больше времени не одному, увы, не всё происходит так, как планируешь. И я рад, что бабушка моя пока резва и бодра и даже вечерами ходит на танцы. И я бы, может, поехал по своим делам, но на днях у бабушки день рождения, так что я остаюсь здесь. Море везде море, отдых везде отдых! Но в благодарность, что вы украсили своим обществом мой обед, сегодня я угощаю вас! Вся пицца за мой счёт!

Гости опешили: индюк обрадовался и уточнил, готов ли Лука оплатить полный чек, девушки благодарно заулыбались, а Маню со всей дури похлопал нового знакомого по плечу и пригласил на ужин.

– Только ужинать будем по-французски, и уже за мой счёт! – басил довольный гигант. – И хоть я не такой красноречивый и не большой специалист, с меня несколько историй!

– С большим удовольствием! А там, может, и наши русские друзья что-то расскажут о большой и загадочной России! Очень хочется узнать побольше из первых уст, ведь по телевизору всё врут, хоть я его и не смотрю! – ответил Лука и мысленно засчитал себе двойное пенальти: Боккачина опять улыбалась, знакомство продолжается, индюк расслабился и посчитал его простаком. Видимо, не только русские девушки не любят платить в ресторане, – хмыкнул про себя Лука.

После обеда они условились встретиться в семь на набе-

режной, и новые знакомые отправились к себе. Сиеста в отпуске – это святое. А Луке было не до полуденного сна.

Прощаясь, Даха сказала:

– А, может, мы даже раньше на пляже встретимся, и с вашей бабушкой познакомимся?

– Это было бы очень мило, – добавила Бокаччина.

– Безусловно! – сверкнул улыбкой Лука.

Туристы скрылись в переулке с заборами, заросшими малиновыми и розовыми олеандрами, за которыми высились многоэтажные белые дома с арендуемыми летом апартаментами. А Лука, вытаращив глаза, бросился на пляж – туда, где видел группу из Италии. Надо было срочно зафрахтовать себе «дорогую бабушку»! Уговорить, подкупить, убедить, обеспечить пиццей на весь отпуск. Первый этап пройден. Лука был уверен, что пройдёт и второй. И третий. До победного! Что бы это ему ни стоило!

Глава 7

Лука Дельмаре был красив, обаятелен, увлечён, невероятен, полон юмора и энергии! Его хотелось слушать и видеть! И это было ужасно.

Потому что я проваливалась в его потрясающую внешность, в яркую речь с итальянским, а вовсе не французским «р», в бархатный голос и искристое тепло, смеялась вместе со всеми, а потом вдруг ловила себя за шиворот и говорила: «Стоп!»

Рядом сидел Паша. Я с ним сюда приехала! Поэтому я не могу, не имею права, не должна смотреть на других мужчин и подобным образом забываться. Даже если они на все тысяча двести восемьдесят процентов adorable, как говорят французы, или likable, по мнению англичан. Что касается Луки, он умел нравиться и знал об этом. Однако ничуть не рисовался, не хвастался, не строил из себя что-то, просто был естественным в своём великолепии, как водопад на солнце.

Я была готова смеяться над собой за то, что вдруг подумала, будто Лука приехал во Фрежюс из-за меня. Вовсе нет, дело в бабушке! Парень приехал навестить родственницу, что характеризовало его с ещё одной положительной стороны. Вдобавок, он оказался восхитительно щедрым и напомнил тем моего папу. Кошмар…

Вообще таким быть просто нельзя! – думала я, глядя на

сияющие глаза, потрясающий нос, волевой подбородок и улыбку звезды. – Вот выставили же из Саудовских Эмиратов одного араба за красоту. А Луке там даже из самолёта не позволили бы выйти! Хорошо саудовским женщинам, об их «облико морале» заботятся! А нам тут, в свободной Европе, отдувайся.

Ладно, если бы Лука блистал где-нибудь подальше, желательно в телевизоре и вне зоны досягаемости, – это можно было бы запросто пережить. Но он смотрел на меня! Улыбался, спрашивал, понравилась ли мне пицца и вино, с такой теплотой в глазах, что это было преступлением.

Моё тело поддавалось его обаянию, таяло, как сахар в капуччино. Но ведь я капуччино не заказывала! Тем более такое – с изрядной долей Амаретто, от которого кружится голова и хочется петь, веселиться беззаботно и вообще просто целоваться и трогать… То и дело по моей коже пробегали мурашки, в животе и ногах становилось жарко, а в груди легко. Где-то на секунду-две. До тех пор, пока я не понимала, что веду себя, как гулящая женщина… и чувствую также. Разве это нормально, ощущать собственную грудь, когда просто сидишь за обеденным столом с друзьями?! Разве естественно стать внезапно настолько тактильно чувствительной, что ощущать волокна скатерти под пальцами, ручку вилки, складки юбки на собственных ногах, словно это что-то неприличное?

Мне кажется, что от одного присутствия Луки я сходила с

ума! Поэтому вечером на пляж я не пошла. И на ужин тоже. Мне ужасно хотелось снова окунуться в облако харизмы нашего нового знакомого, но я решила категорически: «Нет». А я знаю, что такое взять себя в руки. Я могу выучить три страницы прозы за вечер вместо того, чтобы пойти погулять с подружками. Или переводить договор и технические условия, продираясь сквозь скучную лексику и чугунные термины, даже если хочется спать, а работу надо выполнить срочно. Я никогда никого не подвожу! И считаю, что ответственность и отсутствие подлости – это хорошо.

– Ты точно не пойдёшь? – спросил вечером Паша, надевая чисто выглаженную мной голубую рубашку.

– Я себя неважно чувствую. Голова болит.

– Ты и после обеда была какая-то странная, – заметил он.

Я пожала плечами. На Пашу я тоже сердилась. Мне так нужно было, чтобы он был со мной добрым, внимательным, но Красиков, наоборот, за обедом нагрубил. Рыкнул «Лезешь не в своё дело», когда я рассказывала Дахе, как навестила её бабушку и помогла той разобраться со счетами на электричество. И почему не моё? Своих бабушек у меня никогда не было, а Дахина кормила нас в детстве варениками с вишней, водила в кино и рассказывала чудные истории из жизни, угощая лакомствами.

Я люблю слушать истории! И хороших людей тоже люблю!

И ещё мне вдруг показалось, что Паша жадный. Я сказала, когда мы были в номере:

– Ребята сегодня устраивают французский ужин, может, мы придумаем в благодарность что-то на русский манер? Вряд ли тут есть ресторанчик с нашей кухней, но я могла бы приготовить… У нас такой большой балкон в апартаментах, что можно прекрасно посидеть.

Паша фыркнул:

– Звать первого встречного итальяшку к себе? Вот ещё! А Мануэля ты вряд ли чем-то удивишь. За полтора года твоя Даха наверняка ему уже и борщей, и пельменей наготовила. Так что не выдумывай!

Он как ни в чём не бывало заправил рубашку в джинсы перед зеркалом. А мне стало неловко. Вспомнились шумные ужины с папой и его вечными друзьями, коллегами, бывшими одноклассниками. Как мы с мамой готовили пироги и мясо по-французски. Как они сидели допоздна и всегда обсуждали книги, политику, новости так, словно управление государством зависит от них. Теперь всего этого нет. Мы с мамой и сейчас готовим, чаще мама. Паша не приглашает гостей. Он вообще нелюдим и гостей не любит, но он всё равно мой жених. И одним недостатком не умалишь того, что он сделал для нас с мамой.

Уходя, и Даха заглянула:

– Сонюш, ты совсем плохо себя чувствуешь? Может, с тобой остаться, пусть мальчишки сами погуляют?

– Нет, я, видимо, немного перегрелась. Надо полежать, отдохнуть и всё.

Я покачала головой, чувствуя неудобство из-за того, что вру подруге. И голова заболела по-настоящему. Я вздохнула с облегчением и, скривившись, схватилась за висок.

– Тебе дать таблетку? – обеспокоилась Даха.

– Давай, – кивнула я. – Если сама не пройдёт, выпью.

Ребята ушли, скоро стемнело. Сине-фиолетовым небом накрыло белые дома, и парк, и дорожки сквера перед большим многоквартирным домом, где мы жили в арендованных Дахой и Маню двухкомнатных апартаментах. Здесь всё было чисто, просто и не очень евро. Меня удивили старые, хорошо выкрашенные деревянные рамы и двери, напомнившие те, что стояли в нашей квартире, когда я маленькой была. Минимализм, разумная практичность и чистота.

Лопасти вентилятора прямо под люстрой развеивали лёгкую грусть и жару. Чай, печенье и книга служили мне хорошими друзьями. Как, впрочем, и всегда. Они помогают отгонять ненужные мысли и переноситься в ту реальность, где я становлюсь смелой, решительной и весёлой, как героиня со сверхспособностями, где опасности только во благо, а драконы превращаются в благородных рыцарей, и всё так хорошо! Люблю фэнтези!

Когда мне надоело читать, я вышла на балкон, облокотилась о перила и начала рассматривать ночные огни, дома, полоски чёрного, сливающегося с небом моря. Отовсюду доносились песни цикад и шум кафешек с набережной. Попрежнему было довольно жарко, пахло эвкалиптами из скве-

ра под домом, морем и чем-то тропическим, пряно щекочущим нос.

Ривьера, – улыбнулась себе я.

Где-то на соседнем балконе шумели дети. Французские малыши намного громче наших, а родители спокойней, что ли. Или просто не обращают внимание на безобразие, которое творит младшее поколение – европейская свобода проявляется с детства. Мама мне подобного никогда не позволяла. Мне хватало её строгого «Мне стыдно за тебя перед людьми» или «Не заставляй меня краснеть», чтобы снова стать хорошей девочкой. Я у родителей поздняя, и это накладывало свой отпечаток. Но на Французской Ривьере никто не краснел, и отдыхающие, даже те, что в коляске, не ложились в десять вечера спать.

Мои ребята тоже не торопились домой. Им, наверное, сейчас хорошо! Уже и поужинали, и теперь наверняка гуляют вдоль моря, разглядывают яхты, сувенирчики, выставленные на ночной ярмарке, едят мороженое… И Лука опять феерично в своей харизме.

Стоп! Я встряхнула головой, чтобы выбросить мысли о нём. Нет, я ни о чём не жалею, я сама так решила. Это не взбрык, а осознанный выбор, так что и грустить не о чем…

Я вздохнула и посмотрела на огни Сан-Рафаэля. Несмотря на торжество ответственности, накатила новая волна грусти. И вдруг в балконную панель возле меня щёлкнул камешек. Ещё один. Я очнулась и глянула вниз. На аллее у подъ-

езда, среди цветущих справа белых, слева от красных олеандров, чуть подальше от фонаря стоял Лука. Невероятно красивый итальянец в белом. У меня перехватило дыхание.

– Салют! – улыбнулся он.

– Что вы тут делаете? – ахнула я.

Он достал из-за спины два конуса с разноцветными шариками.

– Принёс мороженое прекрасной девушке из морозной страны! На отдыхе никак нельзя быть одной, болеть и грустить!

Глава 8

Он смотрел на меня, широко улыбаясь, и всё разумное вылетело из головы, кроме звучащего где-то в лабиринтах мозга сигнала “SOS”.

«Мамочки! Что делать?!»

Я впилась пальцами в перила балкона, чувствуя одновременно неуёмную радость и панику.

– А Паша с вами? – спросила я, волнуясь.

– Паоло? Нет, – мотнул головой итальянец. – Они пошли с вашими и моими друзьями смотреть фейерверк в Сан-Рафаэле. Вот-вот начнётся.

– Друзья?! Откуда взялись ваши друзья? Вы же были один… – пробормотала я, возвращая на плечо сползшую батистовую тунику.

Из темноты вышел обычный серый кот. Задрав хвост трубой, он обошёл вокруг Луки, обтёрся бочком о его белые штаны и пошёл дальше с чувством полного удовлетворения в заросли гигантского алое. Итальянец улыбнулся ещё шире и показал на мороженое.

– Растает. Впустите меня?

– А…

Господи, какое коварство! Моё сердце заколотилось, как безумное. Я открыла рот, понимая, что оказаться с ним в квартире наедине никак нельзя. Это будет двусмысленно,

некрасиво и просто рискованно! Я неизвестно что ощущаю рядом с Лукой, когда мы среди людей, что же будет сейчас? Нет, нет, невозможно! Но и грубо ответить на такой милый жест и заботу тоже было неловко. Я ведь на себя должна сердиться и сержусь, а вовсе не на него. Обидеть человека лишь за то, что он красив? Как можно! Но что же делать… И тут я вспомнила спасительное оправдание, перегнулась слегка через перила и выкрикнула:

– Спасибо вам большое! Но, извините, не получится. Я сказала ребятам, что буду спать, а ключ от апартаментов всего один, так что меня просто заперли.

Я чуть не прыгала от радости, чувствуя себя заключённой принцессой в башне, под которой околачивается ужасно привлекательный и опасный дракон. На расстоянии второго этажа я оставалась в совершенной безопасности. Он меня не съест! Господи, о чём я думаю?!

– Не получится, – я счастливо улыбнулась и развела руками.

– Вас заперли? – сощурился он. – Как маленькую девочку?

Тряхнул кудрями и рассмеялся. А я смутилась. Лука воспринял это иначе.

– О, о, о, нет! Не печальтесь!

Он окинул взглядом окрестности: крыльцо, подъезды, стройные эвкалипты, непроглядные, заросшие буйно чёрной глянцевой листвой кустарники, мощные сосны пино, с ветками, зонтично растущими вверх. Потом буркнул:

– Уно Моменто!

«У нас так пиццерия возле дома называлась», – мелькнуло в голове.

– Нет! – ответила я, мотнула головой и зажмурилась от нереальности происходящего: мало того, что с разных балконов то и дело льётся французская речь, с этажа с пятого, кажется, голландская и американская, я сама говорю по-французски всё время, а тут ещё итальянский!

Так можно с ума сойти. Но когда я открыла глаза, Луки нигде не было. Я вновь перегнулась через перила, пытаясь разглядеть его белые одежды во мраке тропического сквера. Там никого не было. Даже кота.

Я выдохнула с облегчением и почувствовала себя самой несчастной на свете: меня заперли, обо мне забыли, все смотрят на фейерверки и развлекаются, а мне даже мороженого не съесть! И не мой жених, а посторонний итальянец принёс мне десерт! Но и тот ушёл.

В душе что-то перемкнуло и показалось, словно я не имею права на радость. А мне так её захотелось! Хотя бы в виде мороженого…

Закусив губу, я отошла от перил к креслу.

«Ну и не надо. Вот и хорошо».

Поковыряла ногтем полосатую обивку привязанной бантиками к тёмно-коричневой плетёной спинке подушки. Вдалеке, с берегов Сан-Рафаэля послышались хлопки салюта, с верхних этажей одобрительно загудели и захлопали – там ве-

селилась большая компания. Малыши завизжали от восторга на третьем этаже справа. С улицы кто-то громко прокричал, засмеялись женщины. Что-то шмякнулось о стену, стукнуло, словно с верхних этажей сбросили мешок с мусором. А ещё цивилизованные! Загнивающий запад…

Настроение почему-то было испорчено. Я рывком открыла стеклянную дверь в спальню, обиженно шагнула и… споткнулась о ножку стула, ударившись мизинцем. Присела на корточки, схватившись за босую ступню, и расплакалась, будто трёхлетняя. Было ужасно жалко себя. И вдруг я услышала с края балкона:

– Ай, не плачь, мия кара[8]!

Я обернулась, поражённо вскинув глаза. И увидела, как через перила перескакивает мужчина в белом. Лука? Он бросился ко мне и тоже присел на корточки. На его левой руке болтался пакет.

– Больно?! Я напугал тебя? Mi dispiace, piccola[9]! – заговорил он быстро и виновато, заглядывая большими южными глазами в мои.

– Ничего…

– Что ничего? Я вижу: плакала! – он мазнул по моей щеке пальцем и спросил: – Где болит?

– Палец, маленький. – От волнения я напрочь забыла, как будет по-французски «мизинец», просто ткнула в горящий

---

[8] Моё сердце (итал.)

[9] Прости меня, детка (итал.)

после удара палец.

– Холодное есть? – Он оглянулся, зыркнул в тёмную спальню, в которую я так и не вошла. Моё сердце замерло, дыхание застряло в горле. А Лука тут же стукнул себя по лбу:

– О, Мадонна, кретино! Конечно же, есть! – Он снял с руки пакет, вручил мне в руку конус со устало сползающим желто-красным шариком, а второй мигом ткнул мне в пальцы на ноге.

– Ай! – Я моргнула от неожиданности и холода и подскочила.

Он удержал меня и вернул обратно на корточки.

– Зитти, зитти… В смысле: тише… Чёрт, всё время путаюсь! – и заглянул своими удивительными глазами в мои. – Так меньше больно?

– Д-да… – Я кивнула, ничего не понимая и разглядывая растекающееся по моей стопе и шоколадного цвета кафелю зелёное и голубое мороженое. На удивление, боль в мизинце сразу утихла. – Легче. Перестало.

Поправив смоляной локон, упавший на высокий лоб, Лука посмотрел на меня с весёлым интересом и просиял:

– Ну вот, я же говорил! Итальянское мороженое – самое лучшее! Запомни, – он ткнул пальцем в зелёный полушарик, похожий на мятое привидение. – Это мята. – Потом в голубой на моей ноге. – А это баббл гам! Лучшее лечение для маленьких девочек и больных пальцев!

Я хихикнула, совершенно сбитая с толку и заинтригован-

ная, и показала ему мороженое в своей руке:

– А это какое?

– Пробуй!

Я послушно лизнула одно, другое и констатировала:

– Малина и манго.

– Совершенно точно! – довольно рассмеялся Лука, словно я в телешоу угадала песню с двух нот. В его кармане звякнул мобильник.

Лука навис надо мной, всё так же оставаясь на корточках, и вдруг посерьёзнел. Я замерла в облаке его обаяния и потрясающего запаха. Тёмная жаркая ночь окутала балкон, пробравшись под тканевые маркизы прямо к прохладному кафелю. В моём животе стало горячо. Наши лица были слишком близко. Глаза в глаза. В его, за бархатными ресницами – плескался вопрос в окружении лукавых искорок. Я попыталась угадать и… провалилась за его тёмные радужки, в пространство за зрачками, глубокое, как море, в собственное отражение и в его тепло, будто с размаху в радость. И, кажется, забыла, как меня зовут. Сердце ухнуло, словно на аттракционе, а затем от непривычки забилось так быстро, что удары проявились на коже миллионами щекотных мурашек. Кровь вспенилась и закружила хмелем. Красивые губы Луки приоткрылись, чуть потянулись к моим. Мои – к его… И снова тренькнул мобильник. Я опомнилась. Но за тысячную доли секунды до того, как я отшатнулась и сказала резкое: «Нет!» Лука коснулся горячим пальцем моих губ. Быстро поднялся

и сказал:

– Ешь мороженое и не плачь, снежная девочка.

Я сглотнула, чуть не поперхнувшись собственным отказом. Лука подбежал к краю балкона, откуда появился. Перелез через перила и, уже, зависнув по ту сторону, подмигнул:

– Доставка мороженого «Лука Дельмаре и компания! Всегда вовремя!» Вы довольны сервисом, синьорина?

Я кивнула с обалдевшей улыбкой. Он широко улыбнулся в ответ, подмигнул и… исчез.

На стене что-то шлёпнуло. Зашумели ветки сосны под балконом. В сине-фиолетовом небе вспыхнули золотые и серебряные фонтаны фейерверков. И я, наконец, вдохнула, понимая, что глупо улыбаюсь.

Какой загадочный! Какой красивый! И добрый… И авантюрист… Во рту ещё был вкус манго. А губы почему-то кололись и были отчаянно горячими. Как и я вся. Я лизнула быстро тающее малиновое лакомство, потом манговое с конуса. Это было самое вкусное на свете мороженое! Итальянское… До мурашек…

Глава 9

Едва я доела мороженое, вернулись ребята, довольные, шумные, в изрядном подпитии. Алкогольные пары ворвались в квартиру вместе с ними и впечатлениями. Паша принёс целую коробку со сладостями, вручил, поцеловал в висок, и мне стало совестно за то, что я мысленно его обвиняла. А ещё за все чувства, которые нахлынули с приходом Луки.

– Ты не смотрела салют с балкона? – спросил Паша, разуваясь.

– Смотрела немножко.

– Грандиозно было! Умеют, гады, шоу устраивать!

– Да, красиво.

– А музыку здесь слышно было? – поинтересовалась Даха, бросая сумку с размаху в кресло в гостиной. – Там так здорово оркестр играл на набережной!

– Музыку нет, только как соседи хлопали…

– Жалко!

– Ладно, поздно уже, все по кроватям! – скомандовал Паша и увлёк меня в спальню.

Я пожелала друзьям спокойной ночи и закрыла плотно дверь.

– От тебя вкусно пахнет, – заметил он, прикасаясь губами к моим губам и даря в обмен терпкий запах вина. – Чем?

Во мне всё отозвалось взрывом неимоверного стыда. Я

спрятала глаза. Нет, это ужасно: чувствовать себя предательницей! Одновременно быть персонажем из водевиля и песни Рианны про неверную жену. Нет, я не такая! Я не хочу! Не буду и всё! Больше ни мысли о Луке, о его взглядах и странном визите через балкон. В кино тоже бывает романтично, но это не по-настоящему! Так-то!

– Может, послевкусие чая с фруктами? – пролепетала я. – Хочешь, тебе тоже налью?

– Не надо, я всего объелся и обпился. Так что буду пробовать так, – хмыкнул Паша и снова меня поцеловал.

Я чуть отстранилась, чтобы не мешать вину и вино.

– Прости, Паш, ужасно голова болит, – схватилась за затылок и совсем не соврала. Голова, как по заказу, одарила стуком в висках и дятлом на макушке.

– Сончик, ну это же не дело – разболеваться на отдыхе! – хмельным голосом потянул Паша.

– Прости, – выдохнула я и совершенно искренне добавила: – Скоро это пройдёт.

Я очень на это надеялась! На то, что развеется этот морок и больше не будут мерещиться в ночной синеве южные глаза в бархатных ресницах, исчезнут утром, которое обычно «мудренее», дурацкие мысли, волнение в бёдрах, мурашки и бессовестное электричество по коже. Проходит всё, надо лишь немножко подождать. И нет ничего, с чем нельзя справиться. Я всегда была разумной, любые интрижки не по мне!

– Завтра, – как установку, дал Паша, заваливаясь на кро-

вать прямо в джинсах.

– Завтра, – согласилась я.

– Беру с тебя слово, Сончик! Надо ловить момент! Наслаждаться по полной, раз уж мы на Лазурном берегу, да ещё и на халяву!

Я попыталась улыбнуться, хотя меня, если честно, раздражает слово «халява». Оно как фальшивая нота, всегда портит любую мелодию. Я однажды сказала об этом Паше, но он пропустил мимо ушей. По его мнению, халява – это простонародное определение удачливости и бережливого отношения к собственным финансам. Вот и сейчас Паша критически посмотрел на меня:

– Мда, что-то ты совсем кислая. Таблетку выпила? Ну давай, ложись, а я тебе расскажу, где мы были и что видели, – Красиков пьяными движениями сбросил с себя одежду, спихнул на пол покрывало, туда же джинсы и рубашку. Опять растянулся на кровати рядом с явным удовольствием. Подставил ладонь под голову, опираясь на локоть, и принялся рассказывать: – Итальянцы – совершенно безбашенный народ. Хорошо, что экзотика и раз в пятилетку, чаще точно не надо. Рядом с такими я бы жить не смог – галдят, орут, жестикулируют! Дурдом натуральный.

– Откуда дурдом? – удивилась я.

– Представь, Лука притащил нас к целой толпе одинаковых бабок на пляже. Они, как в пионерском лагере, вместе зарядку делают, плавают по свистку, песни поют и танцуют

чуть ли не «Весёлых утят» на песочке под команды ведущего. Задорный мужик, как из кинокомедии. Все друг другу хлопают. – Паша покачал головой. – Потом у нас чуть глаза не вывалились, когда прямо на пляж приволокли коробок двадцать пиццы. У половины бабок слуховые аппараты, а они веселятся, как дети.

– Ну почему бы им и не повеселиться?

– В таком возрасте надо быть солидней. Уже о душе подумать пора, а не о пицце и маникюре! Хотя ладно, мне-то что! Пусть Лука отдувается, на него бабки повисли, в щеки целуют, обнимают и снова орут: то ли за пиццу благодарят, то ли, наоборот, угощают. Чёртов итальянский, нифига не понятно! Естественно, ни одна тётка ни по-английски, ни по-французски не говорит. Все улыбаются и машут. Я так и не понял, какая именно его бабка. Такое впечатление, что он сын полка.

Я кивнула, придерживая голову и слегка улыбаясь. Вот о Луке сейчас слушать совсем не хотелось, его и так сегодня было слишком много. И я попробовала перевести разговор:

– А потом вы сами пошли в Сен-Рафаэль? Салют смотреть?

– Да не сами! К нам целая толпа итальянцев приклеилась. Опять этот Лука удружил. Видите ли, заявились его приятели на выходные развеяться. Трое парней, две девушки. Ну в целом, нормально. Такие же галдящие дурачки, как и наш повар-итальяшка. А он что-то заскучал и слинял по-быстро-

му. Наверное, подцепил кого-то.

– А-а… – Я закусила губу и снова почувствовала во рту вкус манго, малины и стыда. Голова закружилась. Вспомнились звонки на его мобильный. Господи, да ведь Лука настоящий Остап Бендер! Он всё рассчитал!

– Ешь тарталетки. Глянь сколько малины, как ты любишь! – Паша кивнул на коробку с угощениями на прикроватной тумбочке.

– Спасибо! Ты заботливый.

– Цени! – Он снова навис надо мной, притянул за талию, вызывая самые противоречивые чувства.

– Ценю, – тихо сказала я и смутилась, будто вру.

Ну что же это я?! Мне же нравилась его уверенность, твёрдость, решительность. Я смотрела на столь знакомое лицо, на высокий лоб, крупноватый нос, упрямый подбородок, делающий его похожим на римского полководца. Черты немного резкие, но очень мужские, глаза неулыбчивые, умные, руки сильные, вот этот шрамик на подбородке, который он поставил в детстве. Паша сказал, что упал на заборчик в палисаднике. Я так хорошо его знаю! Мне же он нравился!

«И сейчас нравится», – сказала я себе твёрдо и чмокнула его… в нос. Почему-то по-другому не получилось.

– Ой, Сончик, – засмеялся Паша, потискал слегка и завалился на спину. – Совсем ты ещё девчонка! Ладно, спи! Я ужасно нагулялся. Устал. Но завтра будь как штык! Завтра с итальяшками едем в Сен-Тропе. На халяву!

Меня опять покоробило. Он подмял под себя белую подушку и, закрывая веки, пробормотал:

– Правильно я тебя выбрал. Неиспорченную. Неизбалованную. Кто бы там что ни говорил…

Паша тут же захрапел, а я озадачилась: «А кто что говорил?» Его родители меня только по скайпу видели, они во Владивостоке живут… А друзей он почему-то домой особенно не приводил. Только встречался на футболе вне дома. Лишь один раз у нас был его знакомый, высокий, хорошо одетый, с роскошным перстнем на пальце, и, как ни удивительно, с шёлковым шейным галстуком под пиджаком. Иван Аристархович был вежлив, разговорчив, но сух. Паша относился к нему не просто с уважением, а с настоящим благоговением. И сказал потом:

«Знаешь, говорят: если хочешь вырасти, дружи с теми, на кого стоит равняться. А до Ивана Аристарховича мне ещё как до Луны пешком». И мне показалось, что этот загадочный наставник меня как раз одобрил.

Паша спал крепко, распространяя вокруг себя рулады храпа и винные пары, а я лежала долго-долго, глядя в белый и совсем не «евро» потолок. Заснуть не получалось. Я потихоньку выбралась из-под Пашиного бока и вышла через нашу дверь на балкон.

Средиземноморская ночь сияла звёздами, заглядывала прямо в душу, задавая неудобные вопросы, шумела пальмами, пахла олеандрами, соснами, эвкалиптами. Я облокоти-

лась о перила и мечтательно посмотрела вдаль, на море, а потом в заросли сквера у дома. На мгновение показалось, что я вижу в густой темноте – там, куда не попадал свет фонарей, что-то белое. Сердце дрогнуло и зашлось трепетом, словно по нему пробежался тонкими пальцами южный бриз. В голове мелькнуло:

«Лука?!»

Нет, только хотелось… Стоп, разве хотелось? Ведь нет! Но мурашки накрыли меня сверху вниз, как плащом, отвечая что-то иное.

* * *

Ранее

Лука спрыгнул с балкона, чувствуя бешеный азарт и игристую лёгкость, какая случается после удачной шалости. Друзья поджидали его на набережной. Девушки, Бьянка и Марта, куда-то отошли.

– Эй, брат! Ну как оно, как?! – подскочили Микеле, Винченцо и Рауль.

– Всё получилось! – Лука показал двумя пальцами знак победы.

– Мамма мия, остался я без байка? – хлопнул себя по коленям Микеле. – Гони доказательство!

Лука покачал головой, смеясь:

– Нет доказательства.

– Как нет?! Почему нет?! Мы что, зря развлекали твоих русских целый час?! – воскликнул Рауль.

– За мой счёт, – напомнил Лука.

– Друг мой, – положил руку на плечо Луке коренастый Микеле, – если ты не в курсе, то некоторым и пяти минут хватает на то, чтобы продолжить род. А селфи с поцелуем делается вот так. – Он скорчил рожу, вытянув губы дудочкой и наклонился к Винченцо.

Тот отскочил:

– Фу-у!

Все рассмеялись, а Микеле добавил:

– Вообще-то тебе не селфи с губками делать, а штаны на голове завязать. Прикинь, Лука, Винченцо собирался Хелену сюда пригласить!

– Хелену?! – вытаращился Лука. – Совсем сбрендил?!

– Вот и я говорю, – хмыкнул Микеле. – Сбрендил. Но нашим планам по Сен-Тропе суждено реализоваться! Так что у тебя будет завтра второй шанс, не проворонь, брателло!

– Клюнули? – обрадовался Лука.

– А то! Мы-то свою часть пари выполняем, не то, что ты! – распрямил плечи Рауль.

– Я тоже кое-что делаю. Ладно, пошли пить кофе, братья! – приобнял друзей за плечи Лука и сказал их любимую поговорку: – Cafe in Italia si beve con tre C: caldo, in compania e cosy![10]

---

[10] Кофе в Италии пьётся с тремя “К”: Кипяток, в Компании и из Кружки.

Все парни отрепетированно показали друг другу традиционный жест, как будто пьют кофе с оттопыренным пальцем, похожие на Пиноккио с золотым ключиком. И с хохотом пошли искать заблудившихся где-то Марту, Бьянку и кофейню заодно.

* * *

Далеко за полночь все разошлись по домам, точнее по комнатам в доме тётки Микеле, которая и научила готовить Луку самое восхитительное на свете Пармиджано из овощей, густо присыпанное тёртым в тонкую стружку сыром. Во Фрежюсе у неё годов с восьмидесятых и по сей день работала забегаловка с пиццей и едой навынос, и туристы в очередь выстраивались. Никогда ничего на вечер не оставалось.

Лука поболтал немножко с тёткой Лючией, стриженой, как все пожилые итальянки, коротко, приземистой, полной, с ярко-голубыми глазами в опасных чёрных ресницах, попрощался с друзьями и вдруг сам собой оказался у ворот многоквартирного дома на рю де Вали. В двух шагах от тётки Лючии и… так получилось.

Ночь, густая, южная, почти фиолетовая, была тёплой и дружелюбной. То тут, то там кто-то болтал, возвращаясь с поздней прогулки. Шумела листва, трещали цикады. И было просто хорошо.

Лука набрал код на калитке, который случайно сболтнула

подруга Боккачины, прошёл по дорожке и свернул в глубину сквера. Побродил бесцельно. Потом сел на скамейку у стилизованного колодца, во мраке кажущегося каменной глыбой, и быстро нашёл глазами балкон второго этажа у нужного подъезда.

Спать не хотелось. Вот ни чуточки! Потому что весь вечер с того самого момента, как он посмотрел в глаза беленькой, снежной Боккачины, он носил в себе лёгкость. Словно в обмен на мороженое вдохнул у Софи умение летать. Оно было таким… странным. И требовало к себе привыкнуть, причём лучше всего поближе к ней…

Лука знал, что Боккачина не одна. Он знал, что она спит и, наверняка видит сны, наполненные облачками, барашками и одуванчиками. Что ещё может сниться такой лучистой девушке, совсем-совсем юной? Но Лука не уходил. Ему было до странного хорошо знать, что она спит там – рядом. И вдруг на балконе показалась светлая фигурка. Сердце Луки расширилось и стало необычайно большим и тёплым.

Боккачина взглянула на небо, мечтательная, задумчивая, а потом на него. Лука подскочил. Бросился под балкон, к заветной сосне с ветвями, по которым запросто можно было идти, как по древку. Но, увы, минуту спустя Боккачина исчезла. А Лука остался. Задрал голову, засунул руки в карманы и стоял, как дурак. Лёгкий, странный и почему-то счастливый.

Глава 10

– Паш, давай не поедем со всеми в Сен-Тропе? – спросила я первым делом, едва мы проснулись на следующий день.

Утро просачивалось лучиками в щёлку меж плотными голубыми шторами, откуда-то с лужайки перед домом доносилось медитативное «Оммм», одинаковое на всех языках. Разноголосые птицы устраивали спевки и призывали радоваться жизни.

Немного волнуясь, я подскочила с кровати, полная энергии и решимости. Я совершенно точно решила не плыть по течению, а сама устраивать вектор судьбы. Смущение побоку, дурные чувства тоже! Мысли о чужих мужчинах в мусорную корзину! Мне двадцать три, а не пятнадцать, я уже взрослая и в сказки не верю.

Я знаю, что мой Красиков мужественный, заботливый, что он сильный и стремящийся. Кто-то скажет «жадный», а я отвечу «хозяйственный». Он просто ценит то, что досталось с трудом. А уж вкалывать он умеет и никому спуску не даёт. И я уважаю всё, что он создал, ведь и карьеру, и дом в Архангельском, и своё благосостояние он выстроил сам.

Паша рассказывал мне, когда мы только начали общаться поближе, что ему ничего не приходило легко. И за это я его уважаю. В нашу компанию не берут просто за красивые глаза, и за умные не берут. Главное – результаты. Паша их

добивается. Его многие побаиваются, начальство ценит. И в тридцать пять он самостоятельный, уверенный и ответственный, в общем, мужчина, каким многим не стать!

Да, Паша часто суров и сдержан, хотя и нежным бывает. Не всегда, конечно… Но ведь он так устаёт! Шутка ли, работа в Москве превратилась в сплошные собрания, переговоры и командировки! Ему нужен надёжный тыл и отдых. А кому не нужен? Он доверился мне не только на работе, но и дома, и я это ценю.

– В смысле «не поедем»? – удивился Красиков, мигом прекратив потягиваться. – Только не говори, что у тебя болит голова, живот и на солнце перегрелась. Ты вчера мне обещала, Соня!

Я раздвинула шторы, впуская утренний свет и улыбаясь.

– У меня ничего не болит.

– Слава Богу!

– Я просто хочу этот день провести с тобой. Ведь мы совсем не были одни за весь отпуск! Давай побудем! Погуляем вдвоём, а? – попросила я.

– Кажется, ты сама настаивала, чтобы мы провели его с твоими друзьями… – недовольно проворчал Паша. – Я зря, что ли, терплю этого арктического йети, шебутную Дарью и всех этих итальянцев с их криками.

Мне стало слегка обидно за милейших Даху и Маню, но я решила пропустить шпильку в их адрес мимо ушей. В конце концов, у них с Пашей на самом деле разные темперамен-

ты, культура и мировосприятие. Это я Даху с семи лет знаю. И это мне всегда нравились французы, а сумасшедшие ученые казались занятными. Маню так вообще словно в реальность выскочил из мультика типа «Каникулы Бонифация» или фильма «Назад в будущее»: волосы торчат в разные стороны, мышцы, как у дикого варвара, борода тоже, но при этом глаза восторженного ребёнка, и сам он такой добряк! А с каким восторгом рассказывает о своих исследованиях! Кажется, Даха даже чуть-чуть ревнует и боится, что муж снова бросится к пингвинам и айсбергам, как к любовнице. Смешные же!

– Даха хорошая. А Маню – потрясающий персонаж, к тому же очаровательно добрый, – ответила я, крутанувшись на носочке. – Что касается итальянцев, нас никто не заставляет терпеть! Скажи, пожалуйста, зачем нам их терпеть?

Паша сел на кровати и потёр переносицу.

– О, ты вдруг решила оппонировать любой фразе? Что-то новенькое! Тогда объясняю доходчиво: затем, что так мы сэкономим немалую сумму Евро на проезд, не заблудимся по дороге, и гарантированно попадём туда, куда нужно, оптимальным способом. А потом так же гарантированно вернёмся во Фрежюс.

– Паш… – Я присела на корточки перед ним, положила руки на его колени. – Ну, пожалуйста! Ведь это, как ты сказал, почти наш «авансовый медовый месяц»…

Красиков покачал головой, морщась недовольно, словно

я была приставучим маленьким ребёнком.

– В Сен-Тропе я планировал побывать, ты это прекрасно знаешь. Планы – это святое. И коллегам я тоже анонсировал, что мы проедем по всему Лазурному побережью. Ты хочешь, чтобы я выглядел пустозвоном?

– Тогда давай съездим сами! Давай не экономить на этот раз, а? К чёрту оптимизацию расходов и даже если заблудимся… Будет приключение!

– Тоже придумала! Ну что за капризы, Соня? – Он заправил мне прядь за ухо и чуть нахмурился.

– Я с тобой хочу… – вздохнула я, начиная внутренне сердиться на Пашу за то, что он совсем меня не понимает. И слово «хочу» осело с совсем не радужным послевкусием на нёбо, словно и не хотела врать, но солгала.

– Я и так буду с тобой, – буркнул Красиков. – По месту посмотрим. Если получится, оторвёмся от итальяшек и прогуляемся сами. И от твоих друзей тоже. По-моему, они на тебя плохо влияют. Но поедем с ними, и точка! Нужно же хоть немного рациональности, Соня, а не только эмоции распускать. А теперь давай-ка, сооруди что-нибудь на завтрак, я ужасно хочу есть!

Я встала, солнце было уже не радостным, утро не весёлым, а в душе расплывалось серым пятном разочарование. Но Паша не заметил. Он подтянул боксёры и сказал, направляясь в ванную:

– И кофе! Кофе не забудь. Ты же знаешь: я без него утром

не включусь.

Я закусила губу – внезапно вспомнилось Дахино «всегда секретарь, ха?» и то, что Паша с первого дня моей работы в офисе оценил то, как я варю кофе. Папа меня научил, он был большой гурман и праздниколюб…. Потом Паша просил постоянно именно меня кофе сварить, хоть я и не секретарем была, а переводчиком. Но мне льстило, Павел Викторович нахваливал, и я варила.

Вот только сейчас это разозлило. И вдруг захотелось насыпать в кружку Красикову какой-нибудь быстрорастворимой мути, залить недоваренным кипятком и стукнуть с размаху по тумбочке, чтоб аж разляпало коричневыми пятнами по белым стенам.

Отчаянно расчесываясь перед зеркалом, я хмурилась и боролась с желанием ворваться в ванную и спросить с ходу: «Ты вообще меня любишь?! Кто я для тебя?! Скажи, кто!» Но я себя переборола и, заколов волосы, пошла в кухню – кофе варить. Кажется, это у меня уже прописалось на подкорке: две чайных ложки свежемолотого кофе с верхом, одна сахара, довести до кипения, взбить пенку, плеснуть аромата в кружку и улыбнуться. Так вы хотите, Павел Викторович? Ну-ну…

Вы, господин Красиков, хотите экономить? Хотите секретаря под рукой, а не романтическую прогулку с невестой? И Сен-Тропе в Инстаграме ради коллег?! Галочку поставить?!

Ну что ж, значит, ты сам и выбрал, Паша, Паша, Павел

Викторович!

Сен-Тропе так Сен-Тропе! Яхты, клубы, потанцуем! И я ни капли не буду сбегать от настойчивого итальянца! И от его друзей, бабушек, дедушек и мороженого! И оденусь как-нибудь попривлекательней! И глаза накрашу поярче! И даже улыбнусь ему, вот!

* * *

– О, Сонечка! Ты как всегда раньше всех встала! – воскликнула Даха, влетев в маленькую белую кухню, как весёлая, отъевшаяся на лавандовых полях Прованса бабочка, топоча по жёлто-коричневому кафелю пятками маленьких, широкостопых ног. – Ммм, как кофе пахнет! Полцарства за глоток!

Я показала на медное, практически ритуальное джезве, которое мы привезли, конечно же, с собой:

– Тут только Паше. Но я и тебе сварю, если хочешь.

– Конечно хочу! Ты не Сонечка, ты богиня!

Кажется, так считает только она… – накатило расстройство откуда-то издалека, словно нанесло в душу грязной пены с морским приливом. Но я промолчала. Вылила аккуратной струйкой кофе в белую кружку, наблюдая, как пенистый аромат закручивается крошечной воронкой и закрывает дно. Взяла тарелку с пышными сэндвичами: свежие, чуть поджаренные булочки, лист салата, сливочный сыр равномерно,

ветчины побольше, огурчики длинными тонкими ломтиками и немного майонеза – всё, как Красиков любит.

Ужас, сколько мелких его привычек я знаю. Интересно, а он о моих в курсе? Я как-то не замечала. До этого момента всегда казалось, что важнее сделать хорошо ему. А мне? Я обычно неприхотлива, и мне почти всегда хорошо. Для этого не надо делать чего-то особенного, и я не прошу… Возможно, зря?

– Я б тоже на тебе женилась! – заявила Даха, глянув в тарелку через моё плечо. – Кофе, бутерброды в постель, ммм! Называется, почувствуйте себя богом!

– Не в постель, а на балкон, – улыбнулась я.

Правда, повода для улыбок не было совсем – просто штрих дружелюбия. Подруга ничуть не виновата в моём плохом настроении. Я вообще с детства поняла, что улыбаться – важно. И быть в хорошем расположении духа, не выпячиваться, сдерживать все эти порывы, которых мне с лихвой досталось от папы и от всех родственников по его линии. Я точно выучила, как вести себя, чтобы папа радовался, мама не сердилась, учителя относились хорошо, и бабки во дворе распускали за спиной меньше сплетен. Впрочем, они всё равно находили, за что обругать, но, по крайней мере, мама реже говорила, что ей «за меня стыдно».

Мне всегда думалось, что папа, полноватый, красивый любитель праздников, вкусной еды, хорошего вина, друзей и кино, ласковый и местами почти «Манилов», любил ме-

ня больше. И мама это чувствовала. В детстве меня порой охватывала женская гордость перед мамой, будто я лучше. А потом за подобную неуместную конкуренцию было несусветно стыдно. И сейчас мне неловко даже вспоминать про эти мысли, хоть все психологи и говорят, что «отец – первая любовь любой девочки».

Мама была полной противоположностью папы: строгая, сухая на чувства, худая, с длинными, узкими ступнями, угловатыми коленями, маленькой грудью и красивым лицом. Она отчаянно любила папу, хоть и не умела это показывать. В нашей семье всё было подчинено папиному удобству, хотя я не уверена, что он это замечал. Дома он был шумно, но редко… всегда занят или работой, или друзьями.

Моя мама стеснялась, что не умеет танцевать, и восполняла недостающую женственность кулинарными изысками и страстью к приличиям. С работой у неё не сложилось, так что мама наводила идеальный, до блеска порядок, следила за моими уроками, папиными костюмами, читала книги и критиковала всех, кто рискнул выйти перед ней на эстраду на телеэкране.

В принципе, этим же она занимается и теперь, только в Пашином доме, когда не лежит с приступом гипертонии и не плачет по папе. Но сейчас не об этом, а о чувствах и равенстве.

Мама сердилась на меня часто, потому что я была уж слишком «папина». Потому я придумала себе роль – быть

в семье уравнителем, всевозможными способами подчёркивая, что люблю родителей одинаково и даже маму больше. В этом была какая-то странная детская хитрость и желание, чтобы дома было хорошо и радостно, а не так, как бывало… И я уже давно взрослая, а папы нет, но я до сих пор уверена, что любезность и вежливость, по своему, тоже инструмент, а иногда оружие. Сейчас же – лишь маска. После Дахиных слов мне окончательно показалось, что Красиков женится на мне в самом деле ради кофе и завтраков. И я чуть не умерла от ужаса.

* * *

Он ещё брился в ванной, что-то напевая. Во мне вскипели папины гены, и захотелось зашвырнуть в Красикова тарелкой. «Мама» в душе переборола: я аккуратно поставила завтрак на стеклянный столик, а салфетку под вилку назло не положила. И не дожидаясь Пашу, вернулась на кухню. Пусть ест один! Может, так поймёт, что я обиделась?! Ух, как я кипела внутри, ничем не выдавая это внешне.

Даха мне обрадовалась, как она умеет, словно я не из спальни вышла, а приехала только что после дальних путешествий. Обняла меня, закружила и сделала просящие глаза.

– Сейчас будет кофе, – ответила я. – А Маню тоже хочет?

– Какой француз не будет кофе на завтрак? – хихикнула Даха. – Он ещё храпит, но скоро проснётся. Твоей джезвочки

будет мало, вари целую кастрюлю.

Она распахнула дверь приземистого холодильника и сунула внутрь голову.

– Ну нет, как можно?! Тогда вкусного кофе не получится, – вздохнула я, глядя на кофейные зёрна, как мышь на крупу.

– О-о, Сонечка, ты чего? – уловила моё настроение Даха, выныривая из холодильника и вглядываясь в меня повнимательнее. – Голова снова болит?

– Нет, всё хорошо.

Я не люблю жаловаться, тем более не стану подруге настроение портить в отпуске. Но Даха забрала из моих рук джезве, отставила на плиту и повернула меня к себе, словно хотела разглядеть, не растёт ли у меня на носу виртуальный рог. Вдруг ахнула и сделала большие глаза.

– Бёфффф! Как я забыла?! Сегодня же суббота – день ярмарки! А у нас всё вкусное закончилось!

– Хорошо, сходим. Я тоже думала, что надо за продуктами отправиться, – кивнула я. – Только позже, ты же хотела кофе.

– Нет-нет-нет, потом кофе попьём! – Даха закрутила меня снова, суетливая и шебутная, чем нравилась мне и раздражала Пашу. – Это же не базар в Новочеркасске – заходи, когда хочешь, покупай, что хочешь! Это ярмарка во Франции! Тут раз-два, всё скупили и все разъехались, чуть проворонишь, придёшь с пустыми прилавками целоваться. Быстренько-быстренько, переодевайся и бегом!

– Ну раз так, я сейчас!

– Мужчин не берём! – громко крикнула мне в спину Даха, явно, чтобы Паша услышал.

И он выглянул в дверной проём, чуть не столкнувшись со мной лбом.

– Куда? Почему не берёте?

Я обрадовалась возможности побыть с подругой вдвоём и даже забыла, что дуюсь на него.

– За едой. Есть нечего, всё кончилось! – выпалила я, бросаясь к джинсовым шортам на кресле, как солдат к ружью в тревогу.

– Угу, последнюю крупинку доели. Прям Ленинград блокадный, что ли? – скептически пробормотал Паша, наблюдая, как я одеваюсь со скоростью ракеты.

– Почти, – сунула голову в нашу комнату Даха. – И в дорогу в Сен-Тропе сэндвичи делать не из чего! Оголодаем за два часа пути!

Я натянула футболку и схватила матерчатую сумку.

– На нас хватит! А итальянцы сами разберутся, – буркнул Паша.

– Не хватит! – сказала Даха, подхватила меня под руку и, словно похищая, потянула из коридора прочь из квартиры. Я еле успела вступить в шлёпанцы.

Мы побежали, сумасшедшие, как на пожар. Слетели по лестнице на первый этаж, промчались по дорожкам сквера, мимо гигантских алое, цветущей юкки, розовых кустов, пи-

рамидальных кипарисов, вдоль стоянки и не проснувшихся, блестящих авто. Поспешно ткнув ключом, выскочили из синей калитки на улочку, ведущую к морю. Миновали открытую сонным евреем с живописными пейсами, как у раввина из старой комедии, неказистую лавку кошерных продуктов, рванули через зебру, обогнав мотоциклистов. По сторонам проносились закрытые жалюзи итальянской забегаловки, разрисованные размашистым граффити, буйно заросшие нежными голубыми и розовыми цветами средиземноморские заборы и ушедшее всем составом в отпуск турбюро.

Я запыхалась и чуть не сбила худую француженку, устанавливающую манекен в лавке с футболками на углу улицы. В нос с набережной пахнуло морем, креветками и апельсином, у меня заколол бок, и Даха остановилась. Я посмотрела на неё вытаращенными глазами и переводя дух, тяжело спросила:

– Неужели у вас на самом деле всё так быстро раскупают?!

– Нет! – вдруг расхохоталась Даха и ткнула в меня пальцем.

Я моргнула. Пляжная сумка съехала с моего плеча и шлёпнулась на асфальт. Я подобрала её в совершенном замешательстве.

– Тогда зачем мы так бежали?

Даха весело наморщила нос, похожая на мышку из мультика, и заявила:

– А как ещё убегать от твоего плохого настроения? И от

твоего надутого Паши?

Вот как? Я облизнула пересохшие губы и, взявшись за бок, выдохнула:

– Тебе надо было у нас в школе вместо Чайника физкультуру вести.

– Чтобы я? Физкультуру? В Новочеркасске?! – хохотала Даха. – Ни за что!

* * *

На душе отлегло. Мне иногда кажется, что я, как флюгер, мгновенно перенимаю настроение того, кто рядом, тем более, если он для меня важен. Даха могла конкурировать с солнцем над морем, так что и я заулыбалась.

– А ярмарка вообще существует?

– Ага, – кивнула подруга и махнула рукой в сторону порта. – Вон там, через три улицы.

Переводя дыхание, мы пошли молча вдоль просыпающихся сувенирных лавочек, оставляя море и полоску песчаных пляжей по левую сторону. Фрежюс разговаривал с нами криками альбатросов, плеском волн и шелестом пальм, сигналами машин на узкой дороге рядом, звуками раскручиваемых ролл-ставней в бесконечных ульях лавочек с прованскими травами, кепками и майками Filo, соломенными шляпками, надувными матрасами, бумерангами, мячами, с холодильными прилавками, заставленными ванночками с моро-

женым. Фрежюс разговаривал по-французски, и это можно было слушать бесконечно, как музыку.

– Что у вас с Красиковым происходит? – прервала симфонию морского города Даха.

– Да так, ничего…

– Ну не хочешь, не говори.

– Неужели что-то видно со стороны?

– По нему нет. Он самоуверенный в собственном великолепии и неподражаемости тюлень.

– А я?

– А ты не тюлень, – ласково сказала Даха и погладила меня по плечу. – И мне кажется, что ты… немножко потерянная, что ли?

Я подумала о Луке, о его вчерашнем визите, о буре в собственных бёдрах и о его глазах, но рассказать обо всём этом Дахе – означало бы признать, что всё это на самом деле происходит! Нет уж, проще дуться на Красикова!

Признаться, что он жадный и что меня это раздражает, тоже показалось унизительным. Тем более, мне до сих пор было неловко из-за того, что Паша даже из вежливости не предложил разделить расходы на апартаменты. Было в этом что-то неправильное, хоть они нас и пригласили…

И я ляпнула:

– Мне кажется, что Паша иногда слишком колючий. И я боюсь, что своими колкостями он может обидеть тебя или Маню.

Даха рассмеялась и приобняла меня:

– Для этого он слишком плохо говорит по-английски. А мы слишком любим тебя, и вообще мы европейцы, и мы толерантные!

– Правда? Хорошо, – кивнула я.

А подруга продолжила:

– Вику с моей группы помнишь? Она мой гуру! И она знаешь, что говорит? Некоторые ситуации и люди бывают настолько колючими, что продраться сквозь них без царапин не удается! И пройти вглубь них можно, лишь став гибким и струящимся, как вода… Или можно плюнуть на это дело, просто обойти колючее существо и отправиться своей дорогой. Как говорят мудрые, "именно сегодня не беспокойся[11]". Думаю, очень хорошее правило! Именно сегодня меня оно очень устраивает!

Я задумалась и даже губу закусила.

– Именно сегодня не беспокоиться?

– Ага!

– А хорошее правило, надо попробовать, – решила я.

– Вот и супер! – хихикнула Даха.

По телу разнеслось приятное ощущение, словно солнцем облили. И мы, наконец, дошли до раскинувшейся почти у порта ярмарки. Яркие помидоры, персики, оливки. Сыры целыми головами, и на палочках, как канапе, на тарелках, колбасы, устрицы, куры-гриль. Всё пахло, продавалось и требо-

---

[11] Юрий Менячихин

вало внимания.

И вдруг меня словно толкнули в спину – невесомо и в то же время очень реально. Повернулась к морю и забыла, как дышать: метрах в пяти по той стороне набережной шёл, подставив лицо утреннему бризу и засунув руки в карманы, Лука. Сердце ухнуло и заколотилось так, словно я вновь пустилась бежать. И как это – теперь не беспокоиться?!

Я подхватила Даху под руку и потащила её по рядам.

– Персики! Глянь, какие ароматные, сочные персики! – воскликнула я. – Умру, если не съем!

– Не умирай! – хмыкнула подруга и принялась выбирать фрукты.

А я вся превратилась в волнение. Снова мурашки, снова ощущение, что вокруг вакуум и есть только он где-то там, позади. Даже если не смотрит! Сердце бешеное стучало и выискивало его, словно радар. Я как во сне шла за Дахой, она купила персики и углубилась в ряды с авокадо, а я зависла у сыров, просто потому, что ноги не шли. Они стали ватными и будто бы не моими. Я уткнулась глазами в огромную голову сыра, желтоватого, с сухой, белесой корочкой и сильным молочным запахом и вдруг услышала над собственным ухом:

– Привет!

Я подняла ресницы, меня окатило жаром – Лука стоял, смотрел на меня и улыбался. Нас разделял лишь столбик, на котором держался зонт. И миллиметр от моего предплечья до его пальцев.

– Любишь?

– Кого? – хрипло спросила я.

– Пармезан, – ответил он и склонился так низко, что меня окутало его теплом и запахом, а наши губы оказались преступно близко – ничего не стоило поймать его вздох. Я вся покрылась мурашками и исчезла в солнечном тепле чёрного бархата его глаз. А в голове поплыло звенящее, как малиновый звон:

«Что будет, если он меня поцелует?»

Глава 11

Розовые, нежные, пахнущие заварным кремом с малиной губы просто требовали, чтобы их поцеловали здесь и сейчас. Лука невольно потянулся к ним под завороженным взглядом зелёно-голубых глаз. Мгновение стоимостью в половину сокровищ Ватикана. Но ресницы-мотыльки взлетели изумлённо, и ограбить себя на поцелуй Боккачина не позволила – отстранилась.

– Я совершенно не люблю Пармезан, – выпалила она, розовея так, словно они занимались любовью на смятых простынях, а не стояли перед прилавком с сырными головами, треугольными кусками Горгонзолы с голубоватыми прожилками плесени, с ванночками, наполненными кремовым Томино и рассыпчатой Рикоттой.

– Пармезан нельзя не любить, – улыбнулся Лука и с разрешения задорного продавца, мигом уловившего, в чём дело, отломил кусочек от неровного молочно-жёлтого айсберга и протянул Боккачине. – Попробуй.

Она посмотрела на Луку чуть смелее, и внезапно в её глазах вспыхнул дерзкий протест.

– Не люблю! – заявила она и, похоже, сама этому удивилась и обрадовалась. Уткнула руки в боки и повторила почти весело: – Не люблю и всё! Я люблю наш, адыгейский!

– Адигэски?! – повторил изумлённо Лука. – Что это?

– Вкусно. Русский мягкий сыр. Не объяснить.

– Тогда попробуй этот, – сказал он, поднося к руке Боккачины ванночку с Томино. – Сливочный, мягкий.

– Почему я должна попробовать? – сверкнула глазами Боккачина, продолжая смотреть с вызовом и удивляя ещё больше. – Почему ты ходишь за мной?

– Потому что сыр – это вкусно, – ухмыльнулся Лука и мотнул подбородком на продавца, весело отсчитывающего деньги то за голову целиком, то за крошечный кусочек, то за висящую на верёвке, как повесившуюся от несчастной любви грушу, молочно-бледную Скармоцу.

– А ты итальянец и должен гарантировать всяким глупым иностранцам всё самое вкусное? Иначе пропала честь, гордость и национальное достоинство?

Лука цокнул языком, склонив голову и глядя прямо в глаза с солнечными лучиками, разбегающимися к краям от черного, как гвоздик, зрачка.

– Не всяким. Тебе.

Боккачина растерялась, опустила руки, но всё-таки спросила упрямо после секундной паузы:

– Почему?

– Потому что ты красивая.

– Хм… А красивым нельзя есть всякую гадость?

– Таким, как ты? Нет. – Лука улыбался, глядя на неё, но почему-то вдруг показалось, что улыбка у него стала какой-то глупой. И будто Боккачина знает про пари. По затыл-

ку пробежал холодок, но позволить себе стушеваться итальянец не мог. Да и что тут такого? Хитрость – это признак ума! Любой итальянец должен уметь "менять костюм в каждой ситуации". А момент тут был самый что ни на есть понятный. Он её хотел. До сумасшествия. Словно не на мотоцикл поспорил, а на собственную мужскую гордость.

Лука взял её руку в свою. Софи попыталась отдёрнуться, но тут же обнаружила на ладони кусочек пармезана. И рассмеялась.

– Ты упрямый, да?

– Как ты догадалась?

– Ой, – испугалась будто чего-то Боккачина, – а когда мы перешли на «ты»?

– Доставка мороженого ночью очень сближает, – вкрадчиво проговорил Лука и потянулся к её талии.

И вдруг рядом раздалось звонкое:

– О, Лука! Привет! Как твоя бабушка?

Луке узнал голос подруги Софи. «Чтоб ты провалилась!» – подумал он, но обернулся и дружелюбно всплеснул руками:

– Ба, Даша! Бабушка в порядке. Безумно рад тебя видеть!

Даша с пакетами, наполненными всякой всячиной, затараторила, как трещотка, про вчерашний фейерверк, который он точно зря пропустил, про его замечательных друзей, про чудесных итальянских старушек, с которыми он их вчера познакомил, про то, что в поездку, если никто не передумал,

они с Софи наделают на всех сэндвичи. Лука кивал, улыбался, потому что ответы вставлять особенно было некуда, да они, кажется, этой русской француженке и не были нужны. Сказав что-то короткое по-русски Боккачине, Даша вручила ей половину сумок.

Лука мягко забрал из нежных ручек тяжесть, даже не прислушавшись к протесту. И тут понял, что с продавцом бойкая Даша говорит по-итальянски. Плохо, запинаясь, но… У него кудри на затылке встали дыбом. О, Мадонна! Если Даша поняла хоть что-то из его вчерашней болтовни с пожилыми синьорами из общества «Здоровая старость во славу Божьей Матери», всё пропало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.